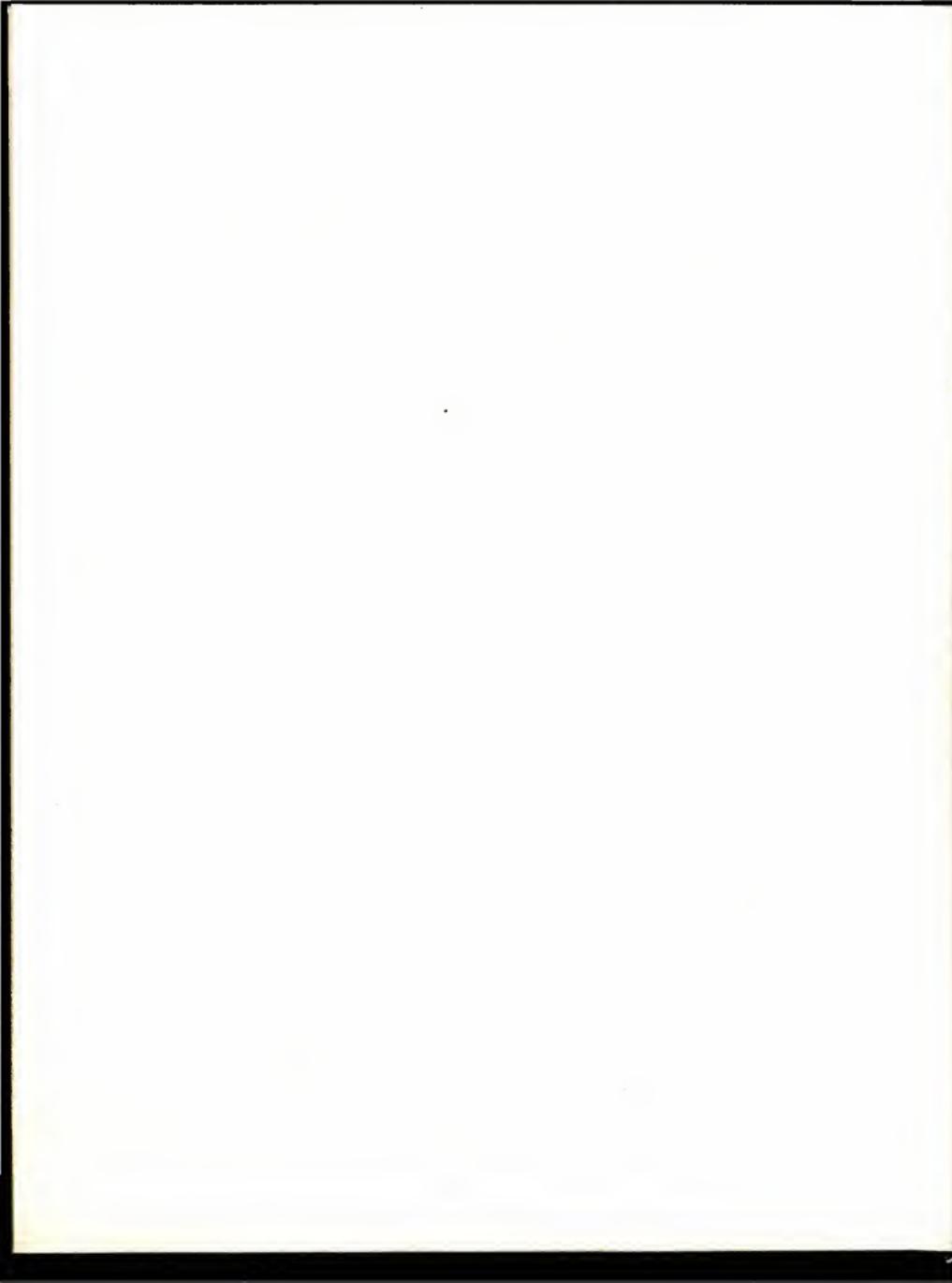

САНДРА

БЛЭЗ
САНДРАР

BLAISE CENDRARS

DU MONDE ENTIER
AU COEUR
DU MONDE

БЛЭЗ
САНДРАР

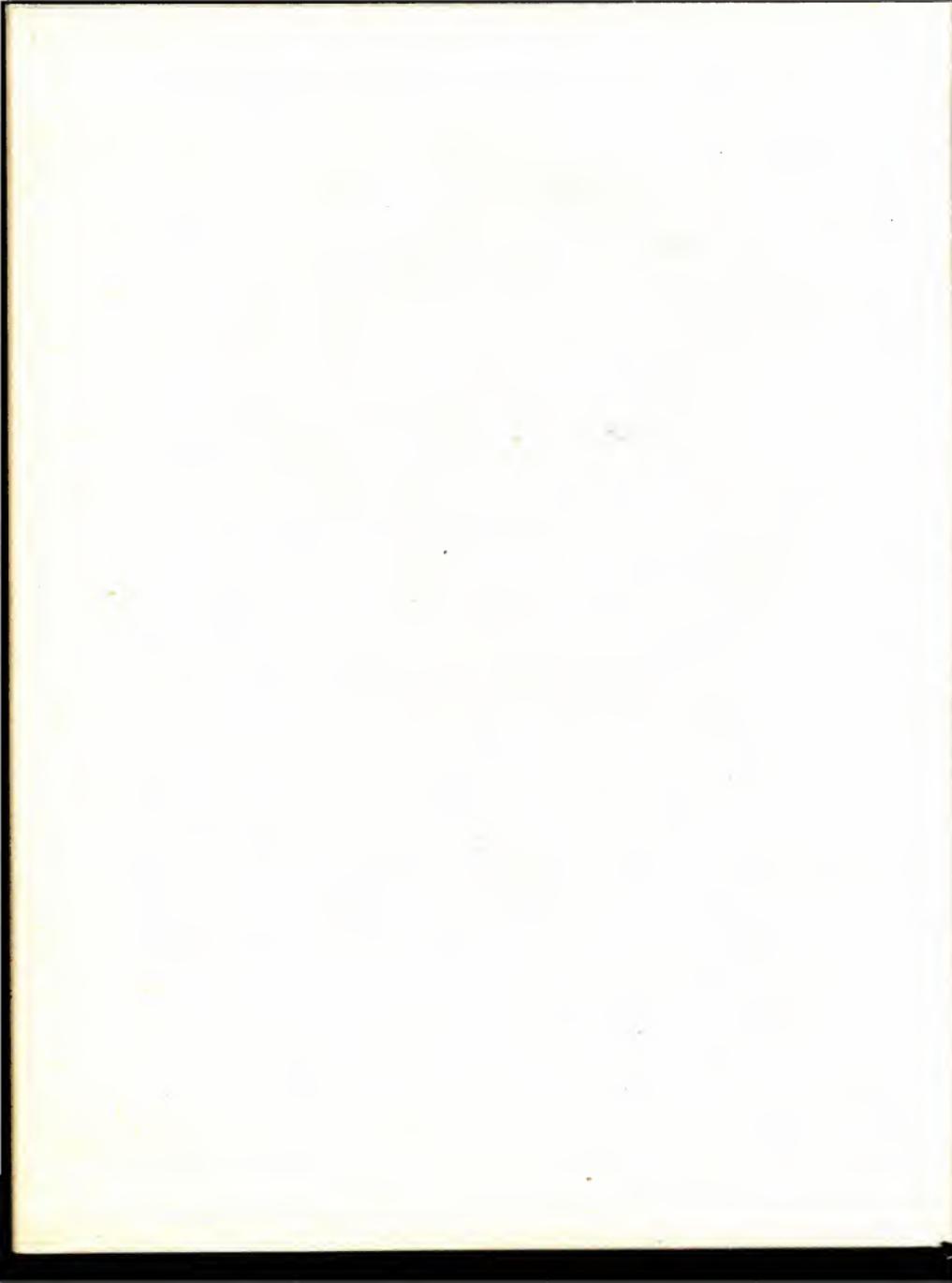
ПО ВСЕМУ МИРУ
И ВГЛУБЬ МИРА

БЛЭЗ САНДРАР

Рисунок Ричарда Холла. 1912

ПО ВСЕМУ МИРУ

ПАСХА В НЬЮ-ЙОРКЕ

АГНЕССЕ

*Flecte ramos, arbor alta, tensa laxa
viscera
Et rigor lentescat ille quem dedit
nativitas
Ut superni membra Regis miti tendas
stipite...*

Fortunat. «Pange Lingua»

*Склони свои ветви, гигантское
древо, ослабь, хоть немножко воло-
кон твоих напряженье,
И пусть твоя природная резкость
смягчится.
Не разрывай так свирепо Царя
верховного члены.*

Реми де Гурмон. «Мистическая латынь»

Сегодня, о Христос, день, посвященный Вам.
Взяв книгу старую, о крестных муках там

И о тревогах Ваших я прочел, и о делах и
добром слове,

⁴ Чей монотонный плач я слышу в каждом слоге.

Монах былых времен мне говорит о Вас.
Писал он золотом про Ваш последний час;

Писал он, положив ту книгу на колени.

⁸ Вы были для него источник вдохновенья.

Одетый в белое, под сенью алтаря
Все дни трудился он, усердием горя.

И останавливалось время у порога
¹² Обители, где жил он истово и строго.

Когда звонили перед сном колокола,
 Не ведал добрый брат, его ли то была

Любовь иль Ваша, господи, или еще кого-то;
¹⁶ Любовь стучалась в монастырские ворота.

Я — словно тот монах, и ночь томит меня.
 В соседней комнате, молчание храня,

Печально кто-то ждет, ждет моего ответа!
²⁰ И это — Вы, и бог, и я — и Вечность это.

Вы неизвестны мне — ни в прошлом, ни сейчас.
 Ребенком никогда не думал я о Вас.

Сегодня ж вечером не в силах дрожь сдержать я.
²⁴ Душа моя — вдова, вся в черном у распятья.

Душа моя — вдова, и это Матерь Ваша.
 Нет слез в ее глазах, до дна испита чаша,

Как на картине у Каррьера. Сколько раз
²⁸ Я на Христа смотрел в музеях, а сейчас...

Иду по городу, и Вы за мной украдкой.
 Я горблюсь, в сердце — боль, в сознанье —
 лихорадка.

Разверзся бок у Вас и с ярким солнцем схож,
³² Ладони искрами пронизывает дрожь.

Все окна у домов кровавы и пусты.
И женщины в домах — кровавые цветы.

Увядшие цветы, они дурны и странны.
⁴⁸ Над лепестками их, господь, три Ваших раны.

Но Вашу кровь они не пили никогда.
В помаде губы их, под юбкой — кружева.

Цветы страстей Христовых, словно свечи, белы,
⁴⁹ И нет нежнее их в саду Пречистой Девы.

И было то же время, что сейчас,— девятый час,
Когда упала голова на грудь у Вас.

Сижу на берегу, морской прибой вздыхает,
⁵⁰ И песнь немецкая вдруг в памяти всплывает,

Простая, чистая — в ней речь идет о том,
Как были в страшный час прекрасны Вы лицом.

В Сиене, в старой церкви, на стене
⁵¹ Такое же Лицо случилось видеть мне.

И видел я его в одном скиту, где рака
Сверкала золотом своим из полумрака.

Два мутных камня на Лице там вместо глаз,
⁵² Целуют набожно в глаза крестьяне Вас.

И почитается святою Вероника:
Ее платок хранит черты того же Лика.

Всех талисманов он надежней, тот платок:
⁵⁶ Излечивает хворь любую и порок

И тысячи других чудес творить он может.
 Однако никогда я их не видел все же.

Должно быть, веры нет во мне и мало доброты,
⁶⁰ Чтоб мог я лицезреть блеск Вашей красоты.

Но чтоб узреть берилл с изображеньем Вашим,
 Опасный путь я совершил, и он мне не был
 страшен.

Сорвите маску с моего лица скорей:
⁶⁴ То маска горечи, господь, мне душно в ней.

Пусть пенюю своей отчаянье не тронет
 Прижатые к губам мои ладони.

Я болен, господи. Охвачен я тоской.
⁶⁸ Тому причиной Вы. Иль кто-нибудь другой.

За бедняков, господь, мученья Вы прияли.
 И что же? Словно скот, в трущобы их загнали.

Большие корабли, приплыв издалека,
⁷² Вышвырывают из утробы бедняка.

Здесь персы есть и греки, есть испанцы,
 Монголы, русские, болгары, итальянцы.

Им, перепрыгнувшим меридианы, — за прыжок
⁷⁶ Дают, как в цирке, мяса черного кусок.

И утешенье им приносит эта малость.
К ним, обездоленным, господь, имейте жалость.

В еврейских гетто копошится нищий люд.
⁸⁰ Из Польши беженцы они, их много тут.

Я знаю, господи, причастны к Вашей смерти
Евреи, но они не так уж злы, поверьте.

В лавочонках продают они при свете медной
лампы

⁸⁴ Одежду старую, мушкеты и эстампы.

Рембрандт любил их рисовать, в тряпье одетых.
Сегодня старый микроскоп купил я в гетто.

Вы не оставите, господь, здесь Ваших знаков.

⁸⁸ Так пожалейте же евреев из бараков.

Те женщины, что до Голгофы с Вами шли,
Где ныне? Их теперь в трущобах Вы б нашли.

Мужской бедой они осквернены на грязном ложе.

⁹² Болезни гнусные, как псы, им кости гложут.

Чтоб это вынести, им нужен алкоголь.

Мне с ними говорить мешает в сердце боль.

Подобно Вам, хотел бы полюбить я проституток.

⁹⁶ Господь, Вы милостивы; пожалейте проституток.

И вот в квартале я, где поселились воры,
Бродяги, нищие, калеки, сутенеры.

О двух разбойниках я вспомнил неспроста:
¹⁰⁰ Им, двум распятым, улыбнулись Вы с креста.

Но если человек надумал удавиться,
 То здесь без денег и веревкой не разжиться.

Дал опиум я старому бандиту, чтобы смог
¹⁰⁴ Переступить он царства божьего порог.

И в памяти моей останутся навеки
 Слепые скрипачи, шарманщики-калеки,

Певичка с розою бумажной в волосах...
¹⁰⁸ Им вечность суждена, чтоб петь на небесах.

Подайте милостыню им, господь. Да будет это
 Не свет от фонарей, а звонкая монета.

Смерть Ваша порвала завесу пополам,
¹¹² Но что открылось вдруг, никто не скажет нам.

Ночная улица на трещину похожа,
 Где кровь и золото, грязь и следы прохожих.

Кого из храма изгоняли Вы бичом,
¹¹⁶ Схватили сами бич, и все им нипочем.

Звезда, потухшая на Скинии Завета,
 Горит здесь на стене в лучах слепого света.

Банк светом озарен, как сейф, в котором вновь
¹²⁰ Сворачивается в сгустки Ваша кровь.

Пустынны улицы, похожие на раны,
И я по ним иду, шатаясь, словно пьяный,

И тени от домов мне преграждают путь.

¹²⁴ Мне страшно. Кто-то следует за мной.
Я повернуть

Не смею головы. Преследуют меня.
Мне страшно. Стук в висках. Остановился я.

Пронзительно какой-то страшный шут в лицо
мне глянул

¹²⁸ И мимо прошмыгнулся. Я от него отпрянул.

Жизнь, как была, господь, все так же нечиста.
Зло сделало костиль из Вашего креста.

И дальше я иду. В кафе забрел случайно.

¹³² Сижу за столиком перед стаканом чая.

К китайцам захожу. Склонившись предо мной,
Они как будто улыбаются спиной.

Лавчонка тесная, стен красная окраска,

¹³⁶ Картички на стене, бамбуковые рамки.

В ста разных видах повторен один пейзаж.
А как представил бы китаец образ Ваш?

От этой мысли улыбнулся я невольно.

¹⁴⁰ Но дальше мысль моя пошла путем окольным.

Не так бы Вашу смерть художник показал:
В ней было бы больше мук, жестокости и зла.

Особою пилой пилили б Ваше тело

¹⁴⁴ И каждый нерв кричать заставили б умело.

Пустили б в ход щипцы, ошейники, крюки
И рвали б ногти с окровавленной руки

И зубы изо рта. И, заглушая стоны,

¹⁴⁸ Палили бы огнем Вас черные драконы.

Вам вырвали б язык, что в мир вносил раскол,
А после посадили б Вас на кол,

Заставив испытать всю гнусность униженья,

¹⁵² Затем, что нет, господь, ужасней положенья.

Потом швырнули бы Вас свиньям, и они
Изгрызли бы живот Вам и кишки.

И вот я вновь один, другие все ушли.

¹⁵⁶ Я растянулся на скамейке у стены.

Хотел бы, господи, войти я в божий храм.
Но в этом городе молчат колокола.

Я думаю о них, о красоте их звона.

¹⁶⁰ Где литургии грусть? Где нежность антифона?

Где службы длинные, коленопреклоненья
И музыка, и хор, и звуки песнопенья,

Прелаты гордые и проповеди их?

¹⁶⁴ Где белая заря, отрада для святых?

В прах рассыпается мечта и радость рая.

Огни мистические меркнут, догорая.

Рассвет медлителен. Мрак в тесной конуре
¹⁶⁸ Агонизирует, распятый на стене.

И это как ночной Голгофы отраженье
 В дрожащем зеркале — в нем вспышки
 и движенье.

Под лампой дым висит, слегка прикрыв ее.
¹⁷² Висит, как выцветшее рваное белье.

И лампа свесилась, как Ваша голова:
 Она печальна, обескровлена, мертва.

На скнах отблески мерцают сиротливо,
¹⁷⁶ И грустно мне, господь, что я грущу так сильно.

«*Dic nobis, Maria, quid vidisti in via?*» *
 — Дрожь света тусклого и утро впереди.

«*Dic nobis, Maria, quid vidisti in via?*»
¹⁸⁰ — Заря трепещущая сумрак теребит.

«*Dic nobis, Maria, quid vidisti in via?*»
 — Предчувствие весны дрожит в моей груди.

Господь, заря скользит, как саван, холодна,
¹⁸⁴ И небоскребов нагота уже видна.

Гул простирается над городом суровым,
 Несутся поезда, подпрыгивая с ревом.

* Скажи, Мария, что ты увидала на пути? (лат.).

И метрополитен грохочет под землей,
¹⁸⁸ И содрогаются мосты над головой.

В смятенье город. Крик, огни, столпотворенье.
 Сирены хриплые звучат как оскорбленье.

Толпа толкается, спешит, а над толпой
¹⁹² Витает запах лихорадки золотой.

И смотрит солнце на пейзаж многооконный.
 Господь, Ваш это лик, плевками оскверненный.

Господь, я возвращаюсь мрачный и усталый...
¹⁹⁶ Пустая комната моя на склеп похожа...

Господь, меня знобит, я одинок и болен...
 Ложусь, и как в гробу, мне холодно в постели...

Глаза закрыв, зубами я стучу...
²⁰⁰ Я призываю Вас. Ну, где Вы, в самом деле?

Перед глазами тысячи волчков...
 Нет, это женщины... Нет-нет, виолончели...

Я думаю, господь, о днях моей печали...
²⁰⁴ Я думаю, господь, о днях моих скитаний...

Нет! Больше я о Вас не думаю, господь.

Нью-Йорк, апрель 1912 г.

ПРОЗА
 О ТРАНССИБИРСКОМ ЭКСПРЕССЕ
 И МАЛЕНЬКОЙ ЖАННЕ
 ФРАНЦУЗСКОЙ

ПОСВЯЩАЕТСЯ МУЗЫКАНТАМ

В ту пору я только что с детством простился.
 Шестнадцать лет мне недавно исполнилось,
 и позабыть я о детстве стремился.
 Я был в шестнадцати тысячах лье от места,
 в котором родился.
 Я был в Москве, в этом городе тысячи трех
 колоколен и семи железнодорожных вокзалов,
 5 Но мне не хватало ни этих вокзалов, ни тысячи
 трех колоколен,
 Потому что юность моя безумной и пылкой была,
 И сердце в груди у меня
 Пылало, как храм в Эфесе или как Красная
 Площадь в Москве,
 Когда солнце садится;
 10 И глаза мои светом своим озаряли сплетения
 древних путей,
 И таким я был скверным поэтом,
 Что не смел идти до конца.

На огромный татарский пирог с золотистою
 коркой
 Кремль походил,
 15 Громоздились миндалины белых соборов,
 На колокольнях сверкало медовое золото,

Старый монах мне читал новгородскую быль.
Меня мучила жажда.

С трудом разбирал я клинообразные буквы,
20 А затем, неожиданно, голуби Духа Святого над
площадью взмыли,
И руки мои тоже ввысь устремились, как
альбатросы,
И все это было воспоминаньем о дне последнем,
О последнем странствии
И о море.

25 Однако я был очень скверным поэтом
И не смел идти до конца.
Голод мучил меня,
И все дни, и всех женщин в кафе, и все чаши
Хотел я испить и разбить,
30 Все витрины, все улицы,
Судьбы людские, дома,
Все колеса пролеток, что вихрем неслись по
плохим мостовым,
Я в горнило хотел погрузить
И все кости смолоть,
35 Вырвать все языки,
Все расплавить тела, обнаженные под
шелестящей одеждой,
Тела, от которых мутился мой разум...
Я предчувствовал, что приближается красный
Христос революции русской...
А солнце было тяжелою раной,
40 Раскрывшейся, словно костер.

В ту пору я только что с детством простился.

Шестнадцать лет мне недавно исполнилось, и
позабыть я о детстве стремился.
Я был в Москве, где хотел, чтобы пламя меня
насыщало,
И мне не хватало ни церквей, ни вокзалов,
озаренных моими глазами.

- 45 Грохотала пушка в Сибири, была там война,
Голод, холод, холера, чума,
Плыли тысячи трупов животных по илистым
водам Амура.
На всех вокзалах я видел, как уходили
Последние поезда,
50 И никто уже больше уехать не мог, потому
что не продавали билетов,
И солдаты, которые в путь отправлялись,
хотели бы дома остаться...
Старый монах мне пел новгородскую быль.

- Я, скверный поэт, никуда уезжать не желавший,
я мог уехать, куда мне угодно;
У купцов еще было достаточно денег,
55 И они могли попытаться сколотить состоянья.
Их поезд отправлялся каждую пятницу утром.
Говорили, что много убитых.
У одного из купцов сто ящиков было
с будильниками и со стенными часами.
Другой вез шляпы в коробках, цилиндры,
английские штопоры разных размеров,
60 Вез третий из Мальмё гробы, в которых
консервы хранились,
И ехали женщины, было их много
Женщин, чьё лоно сдавалось в наем и могло бы
стать гробом,

У каждой был желтый билет.
 Говорили, что много убитых;
⁶⁵ Эти женщины ездили по железной дороге
 со скидкой,
 Хоть имелся счет в банке у каждой из них.

Однажды, в пятницу утром, наступил, наконец,
 мой черед.
 Был декабрь на дворе,
 И я тоже уехал с торговцем ювелирных изделий:
 он направлялся в Харбин.
⁷⁰ Два купе у нас было в экспрессе и тридцать
 четыре ларца с драгоценностями из
 Пфорцгейма,
 Третий сортный немецкий товар, «Made in
 Germany» *.
 Но одет во все новое был я торговцем и,
 поднимаясь в вагон, потерял неожиданно
 пуговицу.
 — Помню, я все это помню, потом я не раз
 еще думал об этом.—
 Я спал на ларцах и был счастлив, сжимая в руке
 никелированный браунинг, который вручил
 мне торговец.

⁷⁵ Я был беззаботен и счастлив, и верилось мне
 Что мы играем в разбойников в этой стране,
 Что мы украли сокровище в Индии, и на другой
 конец света
 В Транссибирском экспрессе летим, чтобы
 спрятать сокровище это.

* Сделано в Германии (англ.).

Я должен его охранять от уральских бандитов,
налавших когда-то на акробатов Жюль Верна,

- ⁸⁰ От хунхузов его охранять,
От боксерских повстанцев Китая,
От низкорослых свирепых монголов великого
Ламы;
Али-баба мне мерещился, сорок разбойников,
Телохранители горного Старца, а также
⁸⁵ Современные взломщики
И специалисты
По международным экспрессам.

И все же, и все же,
Несмотря на весь этот пыл,

- ⁹⁰ Как несчастный ребенок, печален я был.
Ритмы поезда,
Шум голосов, стук дверей и колес,
На замерзающих рельсах несущийся вдаль
паровоз,
Моего грядущего свернутый парус,
⁹⁵ Никелированный браунинг, ругань играющих
в карты в соседнем купе,
Образ Жанны,
Мужчина в защитных очках, слонявшийся
нервно в проходе вагона и взгляд на меня
мимоходом бросавший,
Шуршание платьев,
Свист пара,
¹⁰⁰ Стук вечный колес, обезумевших на колеях
поднебесья,
Замерзшие окна,
Не видно природы,
А позади

Равнины сибирские, низкое небо, огромные тени
Безмолвья, которые то поднимаются, то
опускаются вниз.

¹⁰⁵ Я лежу, укутавшись в плед,
Пестрый,
Как моя жизнь,
И жизнь меня согревает не больше, чем плед
Шотландский,

¹¹⁰ И вся Европа за ветроломом экспресса
Не богаче жизни моей,
Бедной жизни моей,
Что похожа на плед,
Весь потертый ларцами, набитыми золотом,

¹¹⁵ Вместе с которыми еду я вдаль,
Мечтаю,
Курю,
И одна только бедная мысль
Меня согревает в дороге.

¹²⁰ Из глубин души поднимаются слезы к глазам,
Когда о моей любовнице я вспоминаю:
Она — всего лишь ребенок, непорочный
и бледный,
И такою нашел я ее в борделе.

Она всего лишь ребенок, белокурый,
приветливый, грустный;

¹²⁵ Не улыбнется она и никогда не заплачет.
Но в глубине ее глаз, если пить вам из них
доведется,
Серебристая лилия нежно трепещет, поэзии
хрупкий цветок.

Она молчалива, нежна, и ни в чем упрекнуть ее
невозможно,

И когда вы подходите к ней, ее тело охвачено
дрожью;

¹³⁰ Но когда я к ней захожу, с вечеринки, неважно
откуда,

То она закрывает глаза и делает шаг мне
навстречу.

Потому что она — моя дорогая, и для меня
все другие —

Только платье и пламя, отлитое в формы тугие,
А моя любимая так одинока,

¹³⁵ И нет на ней платья, нет форм у нее — она
слишком бедна.

Она только цветок, целомудренный хрупкий
цветок,

Серебристая, бедная лилия,
Холодно ей, одиноко, уже увядает она,
И слезы к глазам подступают при мысли
о сердце ее.

¹⁴⁰ И была эта ночь похожа на тысячи прочих
ночей, когда поезд мчится в ночи,
И кометы падают с неба,
И мужчина и женщина, оба совсем молодые,
утеху находят в любви.

Небо — словно разорванный купол нищего
цирка в рыбакской деревне

Во Фландрии;

¹⁴⁵ Солнце — коптящая лампа,

Вверху, на трапеции, женщина изображает луну.

Гнусавая флейта, корнет-а-пистон, плохой барабан,

И вот — моя колыбель.

Моя колыбель

¹⁵⁰ Всегда с фортепьяно рядом стояла, когда моя мать, как мадам Бовари, играла сонаты Бетховена;

Детство мое провел я в висячих садах Вавилона,
Прогуливал школу, глядел на вокзалах, как

в путь поезда отправлялись,

А ныне бежать за собою заставил я все поезда,

Базель — Тимбукту,

¹⁵⁵ Играя я также на скачках в Отейе, в Лоншане,
Париж — Нью-Йорк,

Теперь сквозь всю мою жизнь я заставил бежать поезда,

Мадрид — Стокгольм,

И я проиграл все пари,

¹⁶⁰ Мне осталась одна Патагония, лишь Патагония может с огромной печалью моей сочетаться, лишь Патагония и путешествие к южным морям.

Я в пути,

И всегда был в пути.

Я в пути с моей маленькой Жанной

Французской;

Поезд сделал опасный прыжок и упал на колеса.

¹⁶⁵ На колеса упал он,

Всегда на колеса падает поезд.

«Блэз, скажи, мы с тобой далеко от Монмартра?»

Да! Семь дней мы в пути,
И теперь далеко от Монмартра, который
вскормил тебя, Жанна.

¹⁷⁰ Исчез и Париж, и огромное пламя его,
Только пепел остался,
Дождь падает,
Вздулись болота,
Сибирь за окном закружила,

¹⁷⁵ Вздымаются снежные дали,
Бубенчик безумия, словно желанье последнее,
дрожью охвачен,
Пульсирует поезд среди горизонтов свинцовых,
И грусть твоя мне ухмыляется.

«Блэз, скажи, мы с тобой далеко от Монмартра?»

¹⁸⁰ Беспокойство,
Забудь беспокойство свое,
Все вокзалы кривые забудь,
Провода, на которых они повисают,
Столбы, что их душат, кривляясь.

¹⁸⁵ Мир вытянулся и растянулся и вновь
сократился, наподобие аккордеона во власти
садистской руки.
Обезумев,
Локомотивы к расщелинам неба несутся,
В провалах небесных — колеса, рты, голоса,
Псы несчастья нам лают во след,

- ¹⁹⁰ Бесы больше не знают оков,
Лязг железный,
Фальшивый аккорд,
Стук и грохот колес,
Сотрясенья,
¹⁹⁵ Удары,
Мы — буря в черепе глухонемого...

«Блэз, скажи, мы с тобой далеко от Монмартра?»

- Конечно! Не действуй на нервы мне:
знаешь сама — далеко.
Раскаленное бешенство зверем ревет в паровозе;
²⁰⁰ Чума и холера, словно костры, на пути у нас
встали;
Мы исчезаем в туннеле войны.
Голодуха, продажная девка, вцепилась
в бегущие тучи
И навалила кучи смердящие трупов;
Поступай, как она,
²⁰⁵ Принимайся опять за свое ремесло...

«Блэз, скажи, мы с тобой далеко от Монмартра?»

- Да! Мы далеко-далеко.
Все козлы отпущения сдохли в этой пустыне.
Слышишь звон бубенцов зараженного стада?
²¹⁰ Томск, Челябинск, Ташкент, Верхнеудинск,
Пенза, Канск, Самара, Курган.
Смерть в Маньчжурии — станция наша,
Логово наше последнее.
Как путешествие это ужасно!

Вчера

- ²¹⁵ Иван Ильич стал седым,
А Коля ногти грызет две недели подряд...
Делай то же, что Голод и Смерть,— занимайся
своим ремеслом.
Это стоит сто су, сто рублей это стоит
в транссибирском экспрессе,
Лихорадит вагонные полки,
²²⁰ На фортепьяно дьявол играет,
Его узловатые пальцы приводят в неистовство
женщин.
Природа...
Продажность.
Своим ремеслом занимайся
²²⁵ До прибытия в Харбин...

«Блэз, скажи, мы с тобой далеко от Монмартра?»

- Нет... в покое оставь меня, не приставай...
Твои бедра костлявы,
Ввалился живот, в нем таится зараза,
²³⁰ Вот все, что Париж в твое лоно вложил.
Но осталось немногого души... потому что ты
очень несчастна;
Мне жалко тебя, подойди ко мне, к сердцу
прижмись моему.
А колеса — как мельницы сказочных стран;
Ветряные мельницы кажутся нам костылями,
которыми нищие машут,
²³⁵ Мы калеки пространства,
Мы катимся на четырех наших ранах,

Нам крылья подрезали,
Крылья семи наших смертных грехов;
Поезда — бильбоке сатаны...

²⁴⁰ Задний двор.

Это мир современный.
Не поможет нам скорость.
Далекие слишком от нас далеки,
И в конце путешествия страшно мужчиною быть
²⁴⁵ Рядом с женщиной...

«Блэз, скажи, мы с тобой далеко от Монмартра?»

Мне жаль тебя, мне тебя жаль, подойди ко мне,
я расскажу тебе сказку.

Ляг в постель мою,
К сердцу прижмись

²⁵⁰ И я сказку тебе расскажу...

О приди же, приди!

Царство вечной весны
На Фиджи,
И лень там царит, и любовь опьяняет
влюбленных в высокой траве,

²⁵⁵ И сифилис жаркий под пальмами бродит,
Приди же на острова, что затеряны в южных
морях,
Называют их Феникс, Маркизы,
Борнео и Ява,
И Целебес, имеющий форму кота.

- 260 В Японию нам не удастся поехать.
 Приди ко мне в Мексику!
 Там на высоких плато расцветает тюльпанное
 дерево,
 Вьются лианы — волосы солнца.
 Невольно там вспомнишь палитру и кисти
 художника,
- 265 Краски, как гонг, оглушительны,
 Был там Руссо,
 И там жизнь он свою ослепил;
 Это край удивительных птиц:
 Птица-лира, райская птица,
- 270 Пересмешница птица, тукан,
 И колибри свивает гнездо в сердце лилии
 черной.
 Приди!
 Будем мы предаваться любви средь развалин
 ацтекского храма,
 Ты идолом станешь моим,
- 275 Разукрашенным идолом с детским лицом,
 чуть уродливым идолом и удивительно
 странным.
 Приди же!
- А если захочешь, на аэроплане поднимемся мы
 и полетим над страною тысяч озер;
 Ночи там бесконечно длинны,
 Доисторический предок будет пугаться мотора,
- 280 На землю спущусь я,
 Построю ангар из костей
 Ископаемых мамонтов,
 И примитивный огонь будет нищую нашу любовь
 согревать.
- Самовар...*

285 И мы с полюсом рядом будем друг друга любить
буржуазно.

Приди же!

Жанна, Жаннета, Нинетта, ни-ни и нет-нет,
Мими, моя милая, курочка, перышко, Перу мое.
Бай-бай, моя сдобная,

290 Спи, моя грязная,
Душечка,
Цыпочка,
Сердце мое, мой грешок,
Мой горшок,
295 Мой цыпленок,
Ку-ку...
Она спит.

Она спит,
И из всех часов необъятного мира ни единый
час ею не был принят на веру.

300 На вокзалах мелькающие лица,
Часовые стрелки на стенах,
Парижское время, берлинское время,
санкт-петербургское время и время вокзалов.

А в Уфе лицо окровавленное артиллериста,
А в Гродно циферблат до глупого яркий,

305 И бесконечно движется поезд вперед,
По утрам в нем стрелки часов переводят,
Движется поезд вперед, а солнце назад;
Неизменно слышу я звон колокольный:
Гулкий колокол Нотр-Дам,

310 И пронзительный колокол Лувра, раздававшийся
Варфоломеевской ночью,
Слышу в Брюгге ржавый трезвон,

Дребезжанье звонков электрических
в библиотеке Нью-Йорка,
Колокольни Венеции,
И московские колокола, и часы на Красных
Воротах, которые время мне отмеряли, когда
я в кабинете сидел...

³¹⁵ Воспоминанья!

Грохочущий поезд на поворотных кругах,
Поезд мчится,
Хрипит граммофон, исполняя цыганские марши,
И мир, как стрелки часов в еврейском
квартале Праги, отчаянно движется вспять.

³²⁰ Пусть осыпется роза ветров!

Неистово бури грохочут.
По спутанным рельсам летят поезда ураганом.
Бильбоке сатанинские.
Есть поезда, что не встретятся в мире вовеки.

³²⁵ Другие теряются где-то в дороге.

Играют в шахматы начальники станций.

Трик-трак.

Биллиард.

Карамболи.

³³⁰ Параболы.

Новая геометрия железнодорожных линий.

Архимед.

Сиракузы,

И зарезавшие Архимеда солдаты,

³³⁵ И галеры,

И корабли,

И чудо-машины, которые он изобрел,

И все бойни...

История древности,

- 340 История современности,
 Ураганы,
 Кораблекрушения,
 Гибель «Титаника», о которой прочел я в газете,
 И все образы-ассоциации, что не нашли в стихах
 моих места,
- 345 Потому что я еще очень скверный поэт,
 Потому что меня вселенная переполняет,
 Потому что я не удосужился застраховаться от
 катастрофы на железной дороге,
 Потому что не смею идти до конца,
 И боюсь.
- 350 Я боюсь.
 Я не смею идти до конца.
 А ведь мог бы создать, как друг мой Шагал,
 целый ряд сумасшедших картин.
 Но вел я записок дорожных.
 «Простите невежество мне.
- 355 Простите, что больше не знаю старинной игры
 «стихотворной», —
 Как сказано Аполлинером.
 Обо всем, что касается этой войны,
 у Куропаткина можно прочесть в его
 «Мемуарах»;
 Или в японских газетах, которые тоже полны
 иллюстраций жестоких.
 Документы мне ни к чему:
- 360 Пусть меня за собою ведет
 Прихотливая память моя.

От Иркутска наш путь стал намного
 медлительней,

Стал он намного длиннее.

Мы в поезде были, который первым Байкал
обогнул.

³⁶⁵ Паровоз украсили флагами и фонарями,
И от станции тронулись мы под печальные
звуки царского гимна.

Если бы был я художником, то на конец
путешествия не пожалел бы ни красного цвета,
ни желтого цвета,

Потому что казалось мне, будто мы все немного
безумными стали

И что бред необъятный наложил отпечаток
кровавый на лица;

³⁷⁰ К Монголии мы приближались,
Храпела она, как пожар;
Поезд ход свой замедлил,
И в непрерывном лязге колес
Различал я безумия ноты

³⁷⁵ И литургии вечной рыданья.

Я видел,

Я видел черные поезда, молчаливые поезда,
они возвращались из дальневосточного края,
на призраков были похожи они;

И глаза мои, как фонари на задних вагонах,
за поездами этими все еще следом бегут.

В Тальге сто тысяч раненых агонизировали
из-за отсутствия всякой заботы.

³⁸⁰ В Красноярске по лазаретам ходил я.

В Хилке столкнулся с обозом солдат, сошедших
с ума.

В лазаретах я видел зиявшие раны и видел,
как кровь хлестала из ран,

И ампутированные конечности вдруг танцевать
начинали или взлетали на воздух хрипящий.

В каждом сердце, на каждом лице был пожар,
385 Барабанили пальцы бессмысленно в окна,
И под давлением страха взгляд лопался,
словно нарыв.

На всех вокзалах жгли беспрерывно вагоны.

Я видел,

Я видел состав из шестидесяти паровозов,
на всех парах убегавших от горизонтов,
охваченных похотью, и убегавших от стай
воронья, что летели отчаянно следом,

390 Исчезая

В направлении к Порт-Артуру.

В Чите у нас было несколько дней передышки,
Пять дней остановки: затор преградил нам
дорогу,

И все это время нас принимал мёсье Янкелевич,
который хотел отдать за меня свою дочь.

395 Пришла моя очередь за фортепьяно усесться,
хотя зубы у меня болели.

И снова я вижу спокойное это жилище, и лавку
отца, и глаза его дочки единственной,
что приходила в постель мою по вечерам.

Мусоргский,

И Гуго Вольф с его Lieder,

Пески бесконечные Гоби,

400 И караваны белых верблюдов в Хайларе,—
Я думаю, пьяным я был

на протяжении пятисот километров.

За фортепьяно сидел я, и это все, что я видел.

Когда путешествуешь, надо глаза закрывать.

Надо спать.

⁴⁰⁵ Как хотелось мне спать!

Я с глазами закрытыми страны любые легко
узнаю по их запаху.

И узнаю поезда по их стуку колес.

Поезда Европы четыре четверти в такте имеют,
а в Азии — пять или шесть четвертей.

Другие идут под сурдинку — они колыбельные
песни.

⁴¹⁰ И есть такие, чей стук монотонный напоминает
меня прозу тяжелую книг Метерлинка.

Я разобрал все неясные тексты колес
и собрал воедино частицы шальной красоты,
Которой владею,
Которая мной овладела.

Цицикар и Харбин...

⁴¹⁵ Я дальше не еду:

Последняя станция это,

Где вышел я, так как сжигали

Службы, которые созданы были Красным
Крестом.

О Париж!

⁴²⁰ Ты огромный и жаркий очаг с головнями
горячими улиц и старыми зданьями, что
наклонились над ними и греются,

Как старики,

Вот афиши, зеленые, красные и многоцветные,
желтые, как мое прошлое.

Цвет этот желтый — цвет гордый романов
во Франции и за границей.

Люблю я толкаться в больших городах,
в их автобусах ездить люблю.

425 Те, что к Монмартру идут, меня возят на
приступ Холма.

Как быки золотые, моторы ревут.
На Сакре-Кёр пасутся коровы заката.
О Париж!

Центральный вокзал, платформа усилий,
перекресток страданий!

430 Только у москательщиков есть еще свет над
дверьми.

В мире нет красивее церкви, чем эта.
У меня есть друзья, которые, как балюстрада,
меня окружают:

Когда собираюсь я в путь, им страшно, что я
не вернусь.

Всех женщин, с которыми раньше встречался,
на горизонте я вижу:

435 Беллу, Агнессу, Катрин и ту, что в Италии
сына мне родила,

И ту, что в Америке матерью стала любви.

Есть крики сирен, от которых душа моя рвется
на части.

Там, в Маньчжурии, все еще лоно одно
содрогается, словно во время мучительных
родов.

Я хотел бы,

440 Хотел бы, чтоб не было странствий моих.

Сегодня вечером мне причиняет страданье
любовь,

И невольно я вспоминаю о маленькой Жанне
Французской.

Печальным вечером эту поэму я написал в ее
честь,
Поэму о Жанне,
⁴⁴⁵ О проститутке.
Мне грустно,
Сегодня мне грустно,
Пойду я к «Шустрому кролику», буду
погибшую юность мою вспоминать,
Буду пить
⁴⁵⁰ И один домой возвращусь.

О Париж!

Город единственной Башни, Виселицы,
Колесованья.

Париж, 1913 г.

ПАНАМА, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЕМИ МОИХ ДЯДЕЙ

ЭДМОНУ БЕРТРАНУ,
БАРМЕНУ В МАТАШИНЕ

Книги...

Есть книги, рассказывающие о Панамском
Канале.

Я не знаю, о чем говорят библиотечные каталоги,
И не читаю в газетах финансовые отчеты,

⁵ Хотя бюллетени Биржи стали ежедневною
нашей молитвой.

Панамский Канал с моим детством был связан.
Я играл под столом,
Отрывал мухам крылья,
Мать мне рассказывала о приключениях
семи своих братьев

¹⁰ Моих семи дядей,
И когда она письма от них получала,
О восторг!

Экзотичные марки и строки Рембо
на конвертах,...

Но в тот памятный день она ничего рассказывать
мне не хотела,

¹⁵ И я грустно сидел под столом.

К этому времени я прочитал уже о землетрясении
в Лиссабоне.

Однако мне кажется,
Что отголоски панамского краха более
универсальны;

Они перевернули все мое детство...

- ²⁰ Мне подарили чудесную книгу с картинками,
Там я увидел впервые
Кита,
Тяжелую тучу,
Моржа,
²⁵ Восходящее солнце,
Большого моржа,
Медведя, кобру, льва, шимпанзе
И муху,
Ужасную муху...

³⁰ — Ой, мамочка, мухи! Стволы деревьев
и мухи!
— Спи, спи, мой малыш...
Агасфер — настоящий болван.

- Имел я чудесную книгу,
Большую борзую собаку, которую звали *Дурак*,
³⁵ И английскую бонну.
Отец мой, деловой человек,
Потерял три четверти своего состояния,
Как многие честные люди, потерявшие деньги
из-за этого краха.
Но был мой родитель умнее,
⁴⁰ И деньги он потерял не свои, а чужие...
Выстрел из револьвера,
Рыдания матери.
В тот вечер меня отправили прочь с английской
бонной.

Затем, через несколько очень медлительных
дней,
⁴⁵ Нам пришлось переехать,
И тесные комнаты новой квартиры

Мебелью были забиты,

Лишились мы виллы у моря,

Я целые дни оставался один

50 Среди мебели, сваленной в кучу,

Я мог бить посуду,

Кресла ломать,

Фортепьяно калечить...

Затем, через несколько очень медлительных
дней,

55 Мы письмо получили от дяди.

Из-за панамского краха стал я поэтом,

Поразительно:

Все ведь мое поколенье такое!

Рикошетом

60 Молодежь на себе этот крах испытала.

Не играют с мебелью больше,

Не играют больше с рухлядью старой,

Бьют посуду всегда и повсюду,

Отправляются странствовать,

65 Ловят китов,

Убивают моржей,

Постоянно боятся мухи це-це,

Потому что спать мы не любим.

Медведь с шимпанзе и кобра со львом

70 Меня научили читать.

О, первое это письмо, которое сам я сумел
разобрать!

Оно содержательней было, чем все сочинения
в мире.

Мой дядя писал:

Я мясник в Гальвестоне.

75 Находятся бойни в шести километрах от города.

Я вечерами кровавые туши вожу
 Вдоль берега моря,
 И при моем появлении все осьминоги
 Шупальцы вверх поднимают...

⁸⁰ И было в письме этом что-то еще:
 Печаль
 И тоска по родной стороне.

Исчез ты во время циклона 1895 года.
 Потом я увидел перестроенный город и гулял
 на морском берегу, по которому ты возил
 кровавые туши.

⁸⁵ Из беседки доносились звуки трубы.
 Чашку чая мне предложили.
 Твой труп нигде не нашли.
 На двадцатом году моей жизни от тебя получил
 я в наследство 400 долларов.
 У меня есть также коробка из-под бисквитов,
 в которой хранил ты реликвии.

⁹⁰ Это — коробка из жести.
 В ней все святыни твои:
 Пуговица от мундира,
 Кабильская трубка,
 Зерна какао,

⁹⁵ С десяток твоих акварелей
 И фотографии грозных быков, получивших
 призы;
 Ты их держишь на привязи,
 Ты в белом фартуке,
 Без пиджака.

¹⁰⁰ Я тоже люблю животных.
 Один
 Под столом

- Я в игру вовлекаю стулья,
 Двери,
¹⁰⁵ Окна,
 Шкафы,
 Мебель в стиле модерн,
 Мир животных придуманных,
 Что воцарились в домах,
¹¹⁰ Как допотопные звери в музеях.
 Скамейка — зубробизон!
 Я стекло вышибаю,
 И все это вон, за окно,
 На съеденье собаке моей —
- ¹¹⁵ Книги,
 Бонну,
 Картинки,
 Визиты...
 Вот смеху!
- ¹²⁰ Ну как тут к экзаменам мог я готовиться?
 Вы посыпали меня во все пансионы Европы,
 Лицеи,
 Гимназии,
 Университеты...
- ¹²⁵ Ну как тут к экзаменам мог я готовиться,
 Если под дверью лежало письмо?
 Я видел,
 — И нет педагогики лучше! —
 Я видел в кино, какой оно путь совершило:
- ¹³⁰ Обремененное орфографическими ошибками,
 68 дней потеряло это письмо, чтоб дойти
 до меня.
 Второй мой дядя писал:
 Я женился на женщине, которая хлеб выпекает
 всех лучше в окружье.

В трех днях пути я живу от моих ближайших
соседей.

¹³⁵ Теперь я золотоискатель в Аляске.
Никогда не удавалось найти мне золота больше,
чем на полтысячи франков.
Здесь ценится дешево жизнь.
Я отморозил три пальца.
Стоят холода...

¹⁴⁰ И было в письме этом что-то еще —
Печаль
И тоска по родной стороне.

О дядя! Мне мать обо всем рассказала.
Ты крал лошадей, чтобы с братьями вместе из
дома бежать.

¹⁴⁵ Был юнгой на пароходе.
Сломал себе ногу, с поезда спрыгнув на полном
ходу.
А по выходе из лазарета в тюрьму угодил
за нападение на дилижанс.
И в тюрьме стал стихи сочинять, подражая
Мюссе.

В Сан-Франциско
¹⁵⁰ Ты прочитал о генерале Зутере, который
завоевал Калифорнию Штатам
И который лишился своих миллиардов, когда
на земле его найдено золото было.
Ты долгое время охотился на Сакраменто, где
годы спустя целину обрабатывал я.
Но что с тобой стало?
Понятна мне гордость твоя:
¹⁵⁵ Хлеб, лучший в окружे, и зависть соседей.
и только двенадцать женщин на тысячу
километров квадратных.

Ты найден был мертвым,
С головой, продырявленной выстрелом
из карабина.

Жены с тобой не было рядом.

Потом она замуж вышла вторично

¹⁶⁰ За богатого фабриканта, занимающегося
производством повидла.

Меня мучает жажда.

О черт побери!

Дважды,

Трижды черт побери!

¹⁶⁵ Мне бы читать «Невшательский листок
новостей» или «Памплонский курьер».

Посреди Атлантики не лучше, чем в газетной
редакции.

В клетке меридианов верчусь я, как белка.

Смотри: вот русский с симпатичным лицом.

Он тоже не знает,

¹⁷⁰ Куда ему ехать и где свой пристроить багаж.
В Африке или на Ближнем Востоке,
В Самоа, в Бессарабии, в Конго,

Я знаю все расписания,

Все поезда, их конечные станции,

¹⁷⁵ Время прибытия и отправления,
Все пакетботы, тарифы, налоги.
Мне все напочем,

Адреса я имею,

И не боюсь неудобств.

¹⁸⁰ На борту «Вольтурно» вернулся я из Америки,
потратив 35 франков от Нью-Йорка до
Роттердама.

Боевое крещение это.

Машины друг другу пинки раздают.

Плач.

Шустрые бои.

¹⁸⁵ Ушаты с водой.

Американец ритм отбивает пальцами,
выпачканными в чернилах.

Беспроволочный телеграф.

Во время пляски топчут кожуру апельсинов
и пустые консервные банки.

Делегация к капитану.

¹⁹⁰ Революционер из России.

Эротический опыт.

Гаупа,

Ругательство по-венгерски.

Я — чичероне неаполитанской маркизы,
у которой через месяц рождается ребенок.

¹⁹⁵ Я перевожу эмигрантов из Кишинева в Гамбург.

В 1901 году автомобиль я впервые увидел,
С заглохшим мотором,

На перекрестке.

Маленький поезд в Золотурне утюгом называют.

²⁰⁰ Консулу я позвоню.

В третьем классе дайте мне срочно билет!

The Uranium Steamship C° *

Расчет за наличные деньги.

Пароход у причала.

²⁰⁵ Широко открытые люки.

Как грязную девку, я покидаю борт парохода.

В дорогу!

У меня нет бумаги для нужника.

И тогда,

* Пароходство «Ураниум» (анаг.).

- 210 Словно бог Тангалоа, который надумал удить
и вдруг вытащил мир из воды,
Я вытаскиваю из кармана письмо
Третьего дяди:
Папаэте, 1-ое сентября 1887 года.
Сестра, моя дорогая сестра!
- 215 Я буддист и член политической секты.
Я прибыл сюда, чтоб купить динамит.
Продают его у бакалейщиков, словно цикорий.
Небольшими пакетами.
После вернусь я в Бомбей, где мы будем
взрывать англичан.
- 220 Будет жаркое дело.
Я больше тебя никогда не увижу...
И было в письме этом что-то еще —
Печаль
И тоска по родной стороне.
- 225 Бродяжничал.
Был арестован в Марселе.
Силком меня в школу отправили.
Все голоса в один сливаются крик.
Животные, камни...
- 230 По-настоящему красноречивы только немые.
Распущенными был я и позволял себе всякие
вольности по отношению к миру.
Имевшие веру, почему не явились вы вовремя?
Дядя!
Когда-то
- 235 Ты был смазливым юнцом и играл хорошо на
корнет-а-пистоне,
И это, как говорится, тебя погубило:
Ты музыкой так увлекался, что предпочел
симфониям фрачным рычание бомб.

Среди итальянцев веселых в предместии

Багхавалура

Ты был на железнодорожных работах,

²⁴⁰ Душою общества слыл

И признанным стал коноводом.

Талант хорового певца, хороший характер.

Любимец женщин из рабочих бараков.

Потом, как Моисей, ты убил артельного старосту.

²⁴⁵ Скрылся.

Двенадцать лет о тебе ничего не слыхали.

Как Лютера, в бога поверить тебя заставила

молнии вспышка.

В своем одиночестве

Ты изучил бенгальский и урду, чтоб научиться

изготавливать бомбы.

²⁵⁰ Связался с тайным обществом в Лондоне.

Я в Уайт-Чепле твой след отыскал.

Арестантом ты был.

Твоя жизнь искалечена.

Мне же хотелось прикончить кого-нибудь, чтобы

в тюрьму угодить и с тобой повстречаться.

²⁵⁵ Потому что тебя никогда я не видел.

У тебя на лице, по моим представлениям, должен

быть шрам.

Что же касается моего четвертого дяди, то был

он слугой Робертсона, генерала, воевавшего

с бурами.

Редко писал. Его письма были составлены так:

«Его Превосходительство увеличил мне

жалованье на 50 фунтов стерлингов».

²⁶⁰ Или:

«Его Превосходительство 48 пар обуви взял

с собой на войну».

Или:

«Я подстригаю ногти Его Превосходительству
каждое утро»...

Однако я знаю,

²⁶⁵ Было там что-то еще:

Печаль

И тоска по родной стороне.

Дядя Жан, ты единственным был из семи моих
дядей, кого я когда-либо видел.

На родину ты возвратился, потому что болезнь
тебя одолела.

²⁷⁰ Ты привез большой чемодан из кожи
гиппопотама, который всегда был затянут
ремнями.

Ты запирался в комнате, чтобы тебе не мешали
лечиться.

Когда я тебя впервые увидел, ты спал,
И лицо твое было искажено ужасным
страданьем.

Борода была длинной.

²⁷⁵ Ты спал две недели подряд.
Когда над тобою я наклонился,
Ты тут же проснулся.

Ты был сумасшедшим.
Хотел нашу бабушку жизни лишить.

²⁸⁰ Помещен был в приют.

Там вторично тебя я увидел,
В рубашке смирительной,
Чтобы не мог ты удрать с корабля;
Ты беспомощно двигал руками,

²⁸⁵ Изображая гребца.

Трансвааль.

Было сорок вас на борту.

Артиллерия конногвардейцев держала корабль
под прицелом.

Претория.

²⁹⁰ Там ты чуть не был задушен китайцем.

Тужела.

Скончался твой лорд Робертсон.

Возвращение в Лондон.

Багаж Его Превосходительства падает в воду,
что крайне тебя огорчает.

²⁹⁵ Ты умер в Швейцарии, в доме умалищенных.

Твое просветление.

И погребение.

Там в третий раз тебя я увидел.

Шел снег.

³⁰⁰ Позади катафалка я спорил с могильщиками
о чаевых.

Ты любил на свете только две вещи:

Своего какаду

И Его Превосходительства розоватые ногти.

Нет надежды.

³⁰⁵ И надо работать.

Уединенная жизнь всего напряженней.

Реми де Гурмон живет на рю де Сен-Пер.

Согласно древнееврейской пословице,

Гора с горою не сходится, а человек с человеком
может сойтись.

³¹⁰ Встречаются бездны.

Год 1896.

В Неаполе был я,

Когда получил «Пти журналъ иллюстре».

Фотография Дрейфуса.

³¹⁵ Он перед строем лишен капитанского чина.

Мой пятый дядя писал:

Я шеф-повар в чикагском клубе-отеле.

400 поварят у меня под командой.

Но мне не нравится американская кухня.

³²⁰ Запишите мой новый адрес:

Тунис и т. д.

Привет от тети Адели.

Запишите мой новый адрес:

Биарриц и т. д.

³²⁵ О, дядя! Один только ты не знал никогда тоски по родной стороне.

Ницца, Лондон, Бермуды, Токио,

Санкт-Петербург, Будапешт.

Все большие отели тебе предлагали работу.

Ты — мастер великий,

И блюдам, которые ты изобрел, присвоено имя твое.

³³⁰ Искусство твое —

Работе отдаваться, продаться и съеденным быть.

Никогда не известно, куда тебя ветер занес:

На месте сидеть ты не любишь.

Весьма вероятно, что есть у тебя «История кухни всех времен и народов».

³³⁵ Двенадцать томов *in octavo* *.

С портретами самых прославленных и дорогих поваров.

Ты знаешь о всех событиях в мире:

Всегда бывал там, где что-либо случалось.

Твои меню — поэзия новая.

³⁴⁰ Где ты теперь?

Возможно, в Париже.

* В одну восьмую [листа] (лат.).

Я все это бросил.

Я жду.

Гильотина — шедевр пластического искусства.

³⁴⁵ И, без сомненья,

Лязг ее — это вечность движенья.

Кровь знаменитых бандитов.

Качаются башни

От пения света.

³⁵⁰ Рушатся краски на город.

Афиша, которая больше меня и тебя.

Рот открытый и громко кричащий.

И мы в этой пасти пылаем

И три молодых человека в огне —

³⁵⁵ Мизаэль, Ананий, Азарий.

Компания «Адамс-экспресс»

Сзади Оперы.

Надо играть в чехарду

И в ягненка на пастбище.

³⁶⁰ Дама-трамплин.

Игрушка рекламы.

В дорогу!

«Симеон, Симеон».

До свиданья, Париж.

³⁶⁵ Это даже забавно.

Отбивают время часы.

Кэ д'Орсей — Сен-Назар.

Чтобы попасть на другой конец света,

совершают опасный вираж

Под башней Эйфеля,

³⁷⁰ Затем продолжают свой путь.

Катапульты солнца по раздражительным
тропикам бьют.

- Перуанец богатый, владелец ангамосских
разработок гуано.
Акарагуан Бананан.
Под тенью деревьев
375 Гостеприимство мулатов.
Не одну я зиму провел на счастливых тех
островах.
Секретарь называется птица, она ослепительна.
Очень красивые и плодовитые дамы.
Напитки со льдом, которые пьют на террасе.
380 Миноносец дымит, как сигара.
Партия в поло на ананасовом поле.
Над прилежными девушками — опахала
деревьев.
My gun *.
Звук выстрела.
385 Обсерватория на склоне вулкана.
Огромные змеи в высохшей речке.
Изгородь кактусов.
Трубные крики осла.
Маленькая индианка с косыми глазами, которой
хочется в Буэнос-Айрес.
390 Музыкант-немец, у меня одолживший хлыст
с серебряным набалдашником и пару шведских
перчаток.
Толстый голландец-географ.
В ожидании поезда играют в карты.
День рождения знакомой малайки.
Неожиданно я получаю по почте двести тысяч
песет и письмо от шестого дяди:
395 Жди меня на фактории до наступления весны.

* Мое ружье (англ.).

Развлекайся, пей, сколько душа пожелает,
ухаживай напропалую.

Племянник мой,
Самое лучшее средство...

И было в письме этом что-то еще —

⁴⁰⁰ Печаль

И тоска по родной стороне.

О, дядя, я ждал тебя год, но ты не приехал.
С астрономами вместе тебя занесло в Патагонию,
где собирались они исследовать небо.

Ты был их проводником,

⁴⁰⁵ Переводчиком был,
Давал им советы.

Твой опыт и знанья.

Никто потягаться с тобою не мог в обращенье
с секстантом.

Электромагнитные

⁴¹⁰ Инструменты.

Устойчивость их.

На Огненной Земле,

На границе мира,

При свете электрических рыб

⁴¹⁵ Вы извлекали планктон из фиордов.

Вы собирали аэролиты.

И однажды воскресным утром

Ты увидел епископа в митре,

Он выходил из воды, и был рыбий хвост у него,

⁴²⁰ Он крестил тебя, брызгал водою, ты бросился
в горы бежать,

Воя, словно лемур, которого ранил охотник.

В ту же ночь

Лагерь был ураганом разрушен.

Твои астрономы

425 Потеряли надежду тебя отыскать и, уложив свои записи,

Тронулись в путь.

Через двенадцать недель

Интеллигенты несчастные

Вдруг набрели на костер, вокруг которого гаучо сидели, ведя о тебе разговор.

430 Я тоже отправился в путь, чтоб с тобой повстречаться.

Тупа.

Яркие краски природы.

Неистовство жеребцов.

Двести черных ревущих быков.

435 Аргентинское танго.

Ну и что!

Нет больше славных историй.

«Жития святых».

Мелодии Шумана.

440 «*Cymballum mundi*» *

«*La Tariffa delle Puttane di Venegia*» **

«Путешествие Стрейса. Амстердам». 1528.

«Шолом-Алейхем»

«Крокодил Сен-Мартена».

445 Стриндберг доказал, что земля не кругла.

Гаварни отменил геометрию.

Знаки.

Пампасы.

Дикарки.

450 Жгучие соусы.

Спираль драгоценных камней.

* Кимвал мира (лат.).

** Расценки на венецианских шлюх (итал.).

Мэгги.

Бургх.

«Дейли кроникл».

⁴⁵⁵ Море — каменоломня, где буря, как скульптор,
свой материал добывает.

Квадриги пены удила закусили

Навеки,

От сотворения мира.

Кораблекрушения.

⁴⁶⁰ Я начинаю свистеть.

Что стало с седьмым моим дядей,
Никому не известно.
Говорят, я похож на тебя.

Месье Берtran,

⁴⁶⁵ Я вам посвящаю эту поэму!

Вы не раз предлагали мне выпить спиртное,
чтобы я не болел лихорадкой.

«Аргус прессы» был выписан вами, чтобы мог
получать я газетные вырезки, которые имели
ко мне отношенье.

Вы были последним французом Панамы,
И я посвящаю вам эту поэму.

⁴⁷⁰ Бармену в Маташине.

Там, где ныне сверкающий бар, мерли
тысячами китайцы.

Вы гоните спирт.

Удалось вам нажить капитал, земле предавая
трупы холерных больных.

Пришлите мне фотографию четырехсот
паровозов, брошенных французскою фирмой.

⁴⁷⁵ Пробковые дубы среди паровозов.

Живые покойники.

Пальма, привитая к подъемному крану.

Туканами исклеванная древесина.

Черепахи в землечерпалке.

⁴⁸⁰ В разбитом газгольдере — пумы.

Шлюзный затвор, продырявленный рыбой-пилой.

Игуаны в трубах насосов.

Поезда, остановленные нашествием гусениц.

Герб королевский на якоре необычайных размеров, чье присутствие в этом лесу

⁴⁸⁵ Вы не смогли объяснить мне.

Каждый год приходилось менять вам двери вашего бара:

Клиенты свои имена на них вырезали.

Какое свидетельство, эти тридцать две двери!

Речь живая канала проклятого, который так вами любим.

⁴⁹⁰ Это утро — первый день мира.

Перешеек.

Все светила небесные можно здесь видеть.

Все виды растений.

Экваториальных гор превосходство.

⁴⁹⁵ Уникальная зона.

А также пароход Патерсона.

Начальные буквы международного «Чайного треста».

«Лос Анджелес лимитед», отходящий в 10.02

и прибывающий на третьи сутки —

единственный в мире поезд, имеющий вагон-парикмахерскую.

Отъезды, исчезновенья, передвижение тележек,

⁵⁰⁰ Чтоб научить вас азбуке жизни под ферулой готовых к отплытию сирен.

Тойо, Кизен, Каиша.

Есть хлеб у меня и немного сыра

И чистый воротничок.

Поэзия датирована сегодняшним днем.

505 Млечный Путь — вокруг шеи.

Два полушария — перед глазами.

Максимальная скорость.

Нет больше аварий.

Если б время имел я, чтоб деньги скопить, я бы
принял участие в авиагонках.

510 В первом поезде, что под Ла-Маншем пойдет
по туннелю, я заказал себе место.

На гидроплане я первым Атлантику пересеку.
900 миллионов.

Земли. Земли. Моря. Небеса. Океаны.

Меня мучит тоска по родной стороне.

515 За людскими лицами следую я.

Мне почтовые ящики ужас внушают.

Каждый город — огромное чрево.

Больше я не держусь

Ни дорог,

520 Ни висячих мостов,

Ни каналов,

Ни линий.

Звезды, луны, множество солнц.

Апокалиптические миры.

525 Вам еще предстоит сыграть свою лучшую роль.
Чихает сифон.

Продолжается литературный канкан.

Тихо

В Ротонде,

530 Словно на дне стакана.
Я жду.

Пятым колесом в колеснице хотел бы я стать.
Гроза.
Невозможность.

533 Ничего и повсюду.

Париж и его предместья Сен-Клу, Севр, Монморанси, Курбевуа, Буживаль, Рюэй, Монруж, Сен-Дени, Венсен, Этамп, Мелен, Сен-Мартен, Меревиль, Барбизон, Форж-ан-Бье.

Июнь 1913—Июнь 1914 г.

ИЗ 19 ЭЛАСТИЧЕСКИХ
СТИХОТВОРЕНИЙ

1. ГАЗЕТА-ДНЕВНИК

Христос,

Больше года о Вас я не думал —
С той поры, как написана мною поэма
о Пасхе.

Жизнь моя с той поры изменилась.

⁵ Но сам я остался все тем же:
Мне даже хотелось стать живописцем.
Вот картины, что созданы мной и на стенах
висят в этот вечер;
В странном виде они представляют меня
И внушают мне мысли о Вас.

¹⁰ Христос,
Это в жизни я роюсь.

Картины мне боль причиняют.

Был слишком я пылок:

Окрашено все

¹⁵ В оранжевый цвет.

Грустный день я провел, о друзьях
размышляя,
Читая дневник.
О Христос,
Жизнь распята на этих листах,

²⁰ Которые я напряженно сжимаю в руках.

Пространство.

Ракеты.

Вихри.

Крики.

²⁵ Простор.

Словно падает аэроплан.

Это — я.

Страсти.

Пламя.

³⁰ Роман-фельетон.

Мой дневник.

Нет! Напрасно стараешься не говорить о себе,
Если надо порою кричать.

Я — другой.

³⁵ Чересчур уязвимый.

Август 1913 г.

2. БАШНЯ

Год 1910.

Кастелламаре.

Под апельсиновым деревом сидя,
Я на обед собирался съесть апельсин,

⁵ Когда неожиданно...

Нет, это не было изверженьем Везувия,
Ни тучею саранчи, опустившейся на Египет,
Ни пеплом Помпеи,
Ни воскрешенными криками мастодонтов,

¹⁰ Ни предсказанным Трубным гласом,

Ни лягушкою Пьера Бриссе...

Когда неожиданно:

Пламя,

Толчки,

¹⁵ Сотрясения,

Одновременная вспышка на горизонтах,
Мое вожделенье...

О Башня Эйфеля!

Я не надевал на тебя золотую обувь,

²⁰ Не заставлял танцевать на кристальных
плитах,

Не приносил тебя в жертву Пифону, как
карфагенскую деву,

Не обряжал в тунику гречанки,

Не принуждал погружаться в экстазы подле
менгиров,

Не называл тебя Стеблем Давида и Древом
Креста,

²⁵ Lignum Crucis *.

О Башня Эйфеля,
Всемирной Выставки гигантский фейерверк!
В Бенаресе,
На Ганге,

³⁰ Среди онанизма волчков, вертящихся в храмах
индусских,

Среди многоцветного крика восточной толпы
Ты склоняешься, о грациозная Пальма!

Это ты в легендарное время древнееврейского
племени

Перемешала людские наречья.

³⁵ О Вавилон!

И столетья спустя это ты появилась, как огненный
столп пред апостолами, что собрались
в твоей церкви.

В океане открытом ты — мачта.

На Северном Полюсе

Блещешь великолепьем полярных сияний своего
беспроволочного телеграфа.

⁴⁰ Лианы сплетаются на эвкалиптах,

И ты, словно старое дерево, по Миссисипи
плывешь.

Когда твоя пасть открывается,

Зубы каймана впиваются в негра.

Ты словно виселица

⁴⁵ В Европе.

(Башней хотел бы я быть и висеть на Башне
Эйфеля!)

И когда позади тебя солнце садится,

* Древо Креста (лат.).

Голова Бонно

⁵⁰ Катится из-под ножа гильотины.

Это ты — в сердце Африки:

Страус,

Жираф

И питон,

Экватор,

⁵⁵ Муссоны.

В Австралии ты постоянно табу.

Для капитана Кука ты была рукоятью руля
на его корабле

Искателя приключений.

О'зонд, возносящийся к небу!

⁶⁰ Для Делоне, которому я посвящаю эти стихи,
Ты — кисть, погруженная в свет.

Гонг, занзибарский там-там, зверь из джунглей,
симфония, скальпель, экспресс, икс-лучи,

Даже больше,

О Башня, ты всё:

⁶⁵ Древний идол,

Зверь современный,

Солнечный спектр,

Стихов моих суть,

Башня,

⁷⁰ Башня вселенной,

Башня в движенье.

Август 1913 г.

3. КОНТРАСТЫ

Окна моей поэзии настежь распахнуты
 и на бульвары выходят, где россыпи света
 Сверкают
 На стеклах витрин.
 Слушай скрипки автомобилей и ксилофон
 линотипов.

- ⁵ Пьяное небо полощется, как полотенце.
 Вокруг только пятна цветные.
 А женские шляпки — кометы на фоне пожара
 вечерних огней.

Единство?
 Нет больше единства.

- ¹⁰ Часы на всех башнях отмерили 24 часа,
 безнадежно отстав на десять минут.

Нет больше времени,
 Нет больше денег,
 В Парламенте

Только напрасно изводят чудесную суть

- ¹⁵ Первоначальных стихий.

В бистро

Рабочие в синих спецовках еду запивают
 красным вином.

По субботам играют,
 Пари заключают,

- ²⁰ Бандит проносится в автомобиле,

Или ребенок
 Играет с Триумфальной Аркой.
 Я даю совет господину Кошону
 Поселить его подопечных на башне Эйфеля.

25 Сегодня

Смена хозяев:
 Дух Святой продается в розницу у самых
 мелких торговцев.

С восхищеньем читаю рулоны из ситца,
 Рулоны в цветах.

30 Никогда только камни Сорбонны не расцветают.
 Напротив Сены
 Трудится вывеска «Самаритена».
 У Сен-Северена
 Я слышу звон ошалелых трамваев.

35 Дождь.

Электрический свет.
 Монруж, и Восточный вокзал, и метро.
 Катера на реке.
 Глубина.

40 А на рю де Бюси продают «Пари-Спорт»
 и выкрикивают «Энтррансажан».
 Загоревшись, аэродромы небесные стали картиной
 Чимабуэ.
 На земле, если спереди смотришь, то люди
 Длинные,
 Черные,
 45 Грустные,
 И заводские трубы дымятся.

4. I. ПОРТРЕТ

- Он спит.
 Просыпается вдруг.
 Рисовать начинает.
 Корову берет — и коровой рисует.
⁵ Церковь берет — и ею рисует.
 Селедкой рисует,
 Ножами, руками, кнутом,
 Головами,
 И всеми дурными страстями mestечка еврейского,
¹⁰ Всей воспаленною страстью русской
 провинции,
 Рисует для Франции,
 Чувственности лишенной,
 Рисует всем телом,
 Глаза у него на заду,
¹⁵ И вдруг — перед вами портрет...
 Это ты, читатель,
 И я,
 И он сам,
 И невеста его,
²⁰ Бакалейщик с угла,
 И молочница,
 И повивальная бабка,
 И кровью испачканный таз,
 Новорожденных в нем моют,
²⁵ Безумное небо,

Современности рты,
Башня штопором,
Руки,
Христос,

³⁰ Это сам он Христос:
На кресте
Его детство прошло.
Каждый день
Совершает он самоубийство.

³⁵ И вдруг
Перестал рисовать.
Это значит
Спит он теперь.
Галстук душит его.

⁴⁰ Удивляет Шагала, что все еще жив он.

II. МАСТЕРСКАЯ

- Ля Рюш.
 Лестницы.
 Двери и лестницы.
 И открывается дверь его, словно газета,
⁵ (Визитные карточки всюду)
 И закрывается дверь.
 Беспорядок, повсюду царит беспорядок.
 Фотографии: это Леже, Тобеен.
 За спиною
- ¹⁰ Плоды исступленья —
 Эскизы, рисунки,
 Картины — плоды исступленья...
 Пустые бутылки,
 «Гарантируем высшее качество нашего томатного
 сока»,
- ¹⁵ Гласит этикетка.
 Окно-календарь...
 Когда гигантские краны молний с грохотом
 опорожняют небесные баржи
 И гром из бады высыпают на землю,
 То падает гром
- ²⁰ Как попало,
- Казаки, Христос, рассеченное солнце,
 Крыши,
 Сомнамбулы,
 Козы,

- ²⁵ Петрюс Борель —
Ликантроп,
И зима, и безумье,
И гений, расколотый, словно орех,
Лотреамон,
- ³⁰ Марк Шагал,
И с женой моей рядом — бедный ребенок,
Горькая радость,
Рваный ботинок,
Какао в старой кастрюле,
- ³⁵ И лампа двоится в глазах,
И мое опьяненье, когда я его навещаю,
Пустые бутылки,
Бутылки,
Зина
- ⁴⁰ (О ней мы вели разговор)
И Шагал,
Марк Шагал
На лестницах, залитых светом.

Октябрь 1913 г.

5. МОИ ТАНЕЦ

Платон не желал предоставить право гражданства поэту.

Агасфер.

Дон Жуан в метафизическом смысле.

Родные, друзья.

⁵ Ты обычай отверг, но еще не имеешь привычек.
Надо спасаться от тирании журналов.

Литература.

Безденежье.

Неуместная гордость.

¹⁰ Маска.

Женщина.

Танец, которому Ницше хотел обучить нас.

О женщина!

Ну, а ирония где?

¹⁵ Постоянно в движенье.

Скитанья особого рода.

Все страны, все люди.

Вот так никому ты не в тягость:
Не чувствуют больше тебя...

²⁰ Я мёсье, который в почти легендарных экспрессах
пересекает все те же Европы и растерянно
смотрит в окно.

Интересует меня не пейзаж,

А танец пейзажа,

Танец — пейзаж,

Паритá — титатá,

²⁵ И все кружится вместе со мной.

Февраль, 1914 г.

7. ПОДВЕСНАЯ КОЙКА

Оното-лицо.

Вокзал Сен-Лазар, со сложным его
циферблатом.

Аполлинер.

Спешит, отстает, иногда остановится вдруг.

⁵ Европеец.

Западный странник.

Почему в Америку ты не поехал со мной?

Я на пристани плакал

Нью-Йорка.

¹⁰ Дребезжит посуда на судне.

Лондон, Ницца, Прага, Париж.

Оксо-Либиг нарисовал в твоей комнате
небо.

Книги — как эстакада в порту.

Из мушкетонов по кокосовому ореху
стреляют,

¹⁵ Напевают: «Я потерял мою розу...»

Футурист.

Под сенью картины долго писал,
Об Арабеске мечтал ты,
О, самый счастливый из нас.

²⁰ Потому что Руссо

Нарисовал твой портрет
На небесных светилах.

Аполлинер.

1900—1911 год.

²⁵ В это двенадцатилетие
Единственный французский поэт.

Декабрь 1918 г.

9. ИСКРОВОЙ ТЕЛЕГРАФ

Спектральные диссонансы Башни в ее
беспроволочном телеграфе.

Полдень.

Полночь.

Со всех концов света к чертям посылают
друг друга.

⁵ Искры.

Хромово-желтое.

Связь установлена.

Все пароходы в Атлантике
То приближаются, то удаляются.

¹⁰ Время на всех часах проверяют,
И слышится звон колокольный.

«Пари-миди» сообщает, что в Конго был
каннибалами съеден немецкий профессор.

И поделом.

«Энтрансижан» публикует сегодня стихи для
почтовых открыток.

¹⁵ Глупо: астрологи с неба похитили звезды,
Не видно их.

Небо напрасно я вопрошаю.

Метеосводки предвещают плохую погоду.

Нет футуризма.

²⁰ Нет симультанеизма.

Сжег всех чародеек Боден.

Ничего не осталось.

Никаких гороскопов.

Необходимо работать.

25 Я беспокойством охвачен.

Собираюсь в дорогу

И посылаю это стихотворение другу.

Февраль 1914 г.

10. В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

«Оклахома, 20 января 1914 года».

Трем арестантам удалось раздобыть револьверы.
Застрелив надзирателя, они забирают ключи
от тюрьмы.

Выбегают из камер и на тюремном дворе
убивают четырех человек из охраны.

⁵ Потом, схватив машинистку из персонала
тюрьмы,
Бегут к экипажу, который их у ворот ожидает.
Садятся в него и с бешеною скоростью мчатся.
Охрана вслед беглецам стреляет из револьверов.

Несколько стражников вскакивают на лошадей
и преследуют трех арестантов.

¹⁰ Выстрелы с той и с другой стороны.
Девушка-машинистка ранена пулею стражи.

Лошадь, которая мчит экипаж, ранена насмерть.
Подскакали вплотную.
Увидели трех мертвцев, чьи тела изрешечены
пулями.

¹⁵ Мистер Томас, который в прошлом был членом
Конгресса и посещал места заключения,
Приносит свои поздравления молодой
машинистке.

Телеграмма-стихотворение.
Из «Пари-миди» оно переписано было.

Январь 1914 г.

11. БОМБЕЙ-ЭКСПРЕСС

Жизнь, которую вел я,
Мешает покончить мне
Самоубийством.
Все подскакивает и сотрясается.

- 5 Женщины, громко крича, под колеса
ныряют.
Повозки веером возле вокзалов.
Я чувствую музыку на кончиках пальцев.

Никогда не любил я Масканьи,
Ни художников, ни искусства,
10 Не любил ни мостов, ни барьеров,
Ни тромбонов, ни труб громогласных,
Ничего я больше не знаю,
Ничего не понимаю больше...
Ласка,

- 15 От которой дрожь пробегает
По географической карте.

В год текущий или в год грядущий
Глупая, как эсперанто, критика
искусствоведов.
Бриндизи.

- 20 Прощай.

В этом городе я родился.
И мой сын здесь родился тоже.

- Сын, подобный материнскому чреву.
Есть мысли, заставляющие подпрыгнуть
автобус.
- 25 Только в библиотеках теперь я читаю
книги.
Превосходная азбука мира.

Счастливого странствия!

Пусть увезу я с собой
Тебя и смех твой румяный.

Апрель 1914 г.

12. Ф. И. А. Т.

Растерзан мой слух.

Твоему покою завидую,
О, пакетбот заводов
На якоре
5 За городскою чертой.

Я хотел бы
Опустошиться,
Как ты после родов.
Мне в спину вгрызается дрель,
10 На конце моих нервов электроразряды.

В твоей комнате — никель сверкает.
Белизна.
Колыбель.
Приглушенные звуки больницы:
15 «Святая Клотильда».
Все время
Меня лихорадит.

Оказаться б
На месте твоем!
20 В первый раз я завидую женщине,
О, как хочу я быть женщиной!
Женщиной быть
Во вселенной

И в жизни.

²⁵ Быть!

И открыться грядущему,
Полному детства...
Я ослеплен.

Фары. Свет.

³⁰ Блерио.

Автоматический запуск.
Смотри,

Стило мое скачет.

Убирайтесь с дороги!

Апрель 1914 г.

13. В ПЯТИ УГЛАХ

Осмелиться. И грохотать.
Все вокруг — свет, движение, краски
и взрыв,
Жизнь цветет под окнами солнца,
Которое тает во рту у меня...

⁵ Я созрел
И, наполненный светом, падаю на мостовую.

Вот так, старина!

Радость видеть разве мне не дана?
Златоусты!

¹⁰ Поэзия входит в игру.

Февраль 1914 г.

18. ГОЛОВА

Гильотина — шедевр пластического искусства,
И без сомненья,

Лязг ее — это вечность движенья.

Все знают яйцо Христофора Колумба.

⁵ Яйцо, которое он изобрел, неподвижно
и плоско.

Скульптура Архипенко — тоже яйцо, но
впервые оно яйцевидно.

И в напряженном оно равновесии,
Словно застывший волчок
На острие,

¹⁰ Приведенном в движенье,
О скорость!
И покидает оно
Зоны цвета

И многоцветные волны,

¹⁵ И в глубине
Вращается и предстает
Обнаженным,
Новым,
Тотальным.

Июль 1914 г.

19. КОНСТРУКЦИЯ

Краски, краски, цвета...

Вот Леже, который растет, словно
солнце третичной эпохи.

И заставляет твердеть
И застыть заставляет

⁵ Земную кору,
Неживую природу,
Нечто жидкое,
Нечто туманное,
Тусклое.

¹⁰ Вид геометрии облачной.
Окостенение.

Передвижение.
Все здесь кипит,
Копошится,

¹⁵ И разум
Чудом вдруг ожил и облекается
в плоть, как животные и как растения.

Картина становится чем-то огромным,
И это огромное дышит, шевелится...
Жизнь.

²⁰ Колесо.
Машина.
Душа человечья.
Орудийный затвор.
Мой портрет.

Февраль 1919 г.

ВОЙНА В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ

Эти детские стихи посвящаются
моим товарищам
по Иностранному легиону:
Мечиславу Кону, поляку,
убитому во Фризе;
Виктору Чэпмену, американцу,
убитому под Верденом;
Ксавье Карвальо, португальцу,
убитому у Наваринской фермы.
Добровольцам,
Павшим за Францию.

«Раз-два, раз-два,
И будет все хорошо»...

Они напевали,

И раненый

⁵ Ритм отбивал костылем.

Взгляд,

Брошенный из-под повязки на лбу,

Люксембургского сада улыбка,

Над золотистой листвой

¹⁰ Дым из труб военных заводов,

Осень бледная, кончилось лето,

Ничего нельзя позабыть.

В войну играют одни только дети.

Сомма, Верден.

¹⁵ «Дарданеллы...

Там старший брат мой».

«Как хорошо!»

- Ружья,
Крики,
20 Тоненький голос,
Протянуты руки.
«Смотри: я на папу похож!»
«Пушки есть у нас тоже!»
Изображает девочка мотоциклиста,
25 На палочке скачет мальчишка,
В бассейне два флота начинают сраженье,
Парижский меридиан проходит через фонтан.
Атака на сторожа, у которого есть настоящая
сабля,
Взрыв смеха, который наповал его убивает,
30 Приколото солнце к пальмам в кадушкиах,
Военной медали блеск.
В ладоши хлопают, когда дирижабль выплывает
из-за башни Эйфеля,
Затем подбирают убитых, КРАСНОЕ
Завидуют им.
35 И уж если нельзя оказаться убитым — быть
раненным тоже не плохо.
Скорей отрезай, отрезай!
Можно руку и голову можно!
Согласны на все. СИНЕЕ
Красный Крест.
40 Санитаркам шесть лет.
Они очень взволнованы.
Чтобы ослепшим зренье вернуть, вынимают
у кукол глаза.
«Вижу! Вижу опять!»
Те, кто турками были, теперь санитары.
45 Убитые вдруг воскресают и с восхищеньем
следят
За операцией.
- Я!
Я!
Я!

После все вместе листают журнал:

Фотографии,

И фотографии снова.

50 Потом вспоминают, что было в кино,

И становится дело серьезней:

Кричат, и дерутся не хуже гиньоля,

И в самом разгаре завязавшейся свалки,

Разгоряченные,

55 Вдруг разбегаются: вафель поесть захотелось.

Готовы уже эти вафли,

М

Бьет пять на часах.

Е

Закрываются лавки.

Ч

Пора возвращаться домой.

Т

60 Вечер.

Ы

Смотрят на небо: когда прилетит цеппелин?

Утомленные,

Видят россыпи звездных ракет.

В это время бонны вас за руку тянут

65 И натыкаются матери ваши на тени автомобилей.

А завтра или в другой какой-нибудь день

Траншея, прорытая в куче песка,

И крохотный лес возле кучи песка,

Город,

70 Дом,

Вся страна,

МОРЕ

А быть может, и море.

Нацелены пушки — (воображаемые) — на

укрепления.

Воздушный змей истребителем стал.

75 Опадают листья с деревьев и кружатся,
как парашюты.

При каждом пушечном залпе ветра

Раздуваются вены трехцветных знамен.

- Но ты, песочный ковчег, не погибнешь.
 Чудо-дети искуснее, чем инженеры.
- 80 Здесь со смехом играют в танкистов,
 в отравляющий газ и в подводную-лодку-
 возле-Нью-Йорка, к-которому-не-подплывешь.
 Кто-то негр, а другой австралиец, третий моется;
 эта игра называется так: жизнь-английских-
 солдат-в-бельгийских-траншеях.
- Козырек от русской фуражки.
 Шоколадный орден Почетного Легиона
 обменивается за три пуговицы от мундира.
 Вот мимо прошел генерал.
- 85 «Я люблю мою новую американскую маму», —
 Девочка говорит.
 А мальчик: «Не надо Жюль Верна. Купи мне
 хорошую воскресную сводку».
- В ПАРИЖЕ
 В День Победы, когда возвратятся солдаты,
 90 Их увидеть все захотят.
 Солнце, словно торговец нуки, поднявшись
 пораньше, праздник откроет.
 И весна расцветает в Булонском лесу и в
 Медоне.
 От автомобилей будет пахнуть духами, и цветами
 лошадей накормят.
- Осиротевшие дети в патриотических блузках
 к окнам прильнут.
- 95 На каштаны бульваров фотографы влезут,
 нацелят глазок аппарата на толпы людские.
 И не хуже глотателя змей оператор со своей
 кинолентой заглатывать будет парад
 исторический.
- В полдень

Калеки повесят медали на Триумфальную Арку
и, не хромая, домой возвратятся.

Потом,

¹⁰⁰ Уже вечером,
Площадь Звезды поднимется к небу,
Собор Инвалидов, словно из золота колокол,
песнь пропоет над Парижем,
И хором газеты начнут прославлять
Марсельезу —
Женщину Франции.

Париж, октябрь 1916 г.

ДОКУМЕНТАРИИ

ЗАПАД

III. АМФИТРИОН

После обеда, который был сервирован в зимнем саду среди орхидей, жасмина и лимонных деревьев,

Бал на лужайке освещенного иллюминацией парка.

Однако больше всего привлекают вниманье подарки, что присланы были для мисс Айседоры,

И прежде всего — рубин «голубиная кровь», чьи размеры и блеск ни с чем не сравнимы.

⁵ Ни у кого из девиц нет такого рубина.

В одинаковых темных костюмах,

Детективы смешались с толпою гостей,

наблюдая за драгоценностью и охраняя ее
От похищенья.

ДАЛЬНИЙ ЗАПАД

II. ДОРИФА

В дни праздников,
В дни, когда пьяны от виски и пульки
индейцы и пьяны вакерос,
Дорифа танцует
Под звон мексиканской гитары,
5 И так увлеченно танцует,
Что люди приходят из дальних селений
Полюбоваться ее хабанерой.

Никто из женщин так не умеет красиво
Накинуть на плечи мантилью,
10 Никто так себя не умеет украсить
Лентой,
Гребнем,
Цветком.

V. КЛУБ

Улица, хотя и указана в плане, однако здесь
только одни огражденья из досок и груды
щебенки.

Чтобы ее пересечь, приходится прыгать через
канавы и лужи.

В конце бульвара, освещенного яркими
лампами, клуб под названием «Черный горох»
который к тому же является брачной конторой.
В ковбойских шляпах или в шлемах-фуражках

5 Мужчины с грубыми лицами,
Остановив 60 лошадиных сил у дверей,
Входят, вносят фамилию в список, листают
альбом фотографий.

Они выбирают невесту, которая по телеграфному
вызову вскоре отправится в путь из Шербура
на пароходе «Кайзер Вильгельм».

В большинстве — это немки.

10 Уродливый тип, одетый с иголочки в черное,
дверь открывает и с подозрением глядит
на входящих.

Я пью свой виски-коктейль, потом еще раз
такой же коктейль и еще.

А потом мент-джулеп, молк-мазер,
преери-ойстер, найт-кэп.

VII. «ГОРОД ФРИСКО»

Это — изъеденный ржавчиной старый каркас.
Двадцать раз побывав в ремонте, машина в час
выдает только 7 или 8 узлов.

Впрочем, из экономии мелким углем всегда ее
кормят

И каждый раз паруса поднимают, если ветер
бывает попутным.

⁵ Со своим пунцовым лицом, густыми бровями
и носом в прыщах мастер Гопкинс выглядит,
как настоящий моряк.

В ушах у него два колечка серебряных.

А пароход этот только гробы перевозит с телами
китайцев, скончавшихся в Америке и
пожелавших, чтобы зарыли их в землю
родную.

Окрашены длинные ящики в красное, или они
голубые,

Или украшены надписями, блестящими от
позолоты.

¹⁰ Товар подобного рода запрещается перевозить.

РЕКА

МИССИСИПИ

Река, словно озеро, в этих местах широка.
 Между двух берегов заболоченных катит она
 свои желтоватые, мутные воды.
 Водяные растения постепенно сменяет
 хлопчатник.
 Тут и там города и деревни, которые жмутся
 к маленьkim бухтам, заводы с высокими
 черными трубами и эстакады на сваях, далеко
 отходящие от берегов.

⁵ Удручающе жарко.
 На палубе колокол бьет, созывая на ленч.
 Пассажиры при полном параде:
 'костюм из материи в клетку,
 галстук кричащий, жилет, который
 сверкает, как жгучий коктейль
 или все разъедающий соус.

Кишат крокодилы в реке.
 Молодые подвижны и ловки.

¹⁰ У старых — зеленоватый мох на спине, и они
 не плавают против теченья.

Густая растительность на берегах предвещает
 близость тропической зоны.
 Гигантский бамбук, тюльпанное дерево, пальмы.
 Вдвоем шире стала река и усеяна вся островами
 плавучими.

Стойт приблизиться к ним пароходу, как тучи
птиц водяных поднимаются в воздух.

¹⁵ Другие плывут пароходы.

Баржи, парусники, и вереницы плотов,
и всевозможные лодки.

Желтый пар поднимается от перегретой воды.

Теперь вокруг нас кишмя кишат крокодилы.

Можно слышать лязг челюстей и заглянуть в их
свиные глазки.

²⁰ Пассажиры от скуки стреляют по ним из своих
карабинов.

И когда искусственным стрелкам удается ранить
смертельно или убить крокодила,

То его сородичи тут же его окружают
И разрывают на части.

При этом они издают какие-то странные крики,
которые очень похожи на плач

²⁵ Новорожденных младенцев.

ЮГ

V. GOLDEN-GATE *

Этот дом названье свое получил от старой решетки.

Толщиною в кулак, железные прутья зал отделяют от стойки, где установлены в ряд спиртные напитки.

Во времена золотой лихорадки,

Когда привезенные из Чили и Мексики женщины продавались с аукциона,

⁵ Все бары имели такую же точно решетку, и с револьвером в руке клиента обслуживал бармен,

И случалось нередко, что человека жизни лишили из-за глотка алкоголя.

Теперь

Только для живописности сохраняют решетку. Но по-прежнему пьют здесь китайцы,

¹⁰ Пьют немцы и мексиканцы, А также канаки, которые прибыли на небольших пароходах, нагруженных копрой, перламутром и черепашьим щитом.

Певички.

Ужасно накрашены лица.

Клерки из банка, матросы с большими руками, бандиты.

* Золотые ворота (англ.).

ОСТРОВА

Х. АТУАРА

Европейские моды ей не известны.
 Как у японок, зачесаны кверху курчавые,
 иссиня-черные волосы.
 Под кимоно
 Обнаженное тело.

⁵ Толстые губы,
 Нос правильной формы,
 Взгляд с поволокой,
 Кожа с медным оттенком,
 Широкие бедра,
¹⁰ Девичья грудь.

Откровенны и живы движения и жесты.
 Глаза молодого грациозного зверя.

Грамматика легкой походки наука ее.

Она плавает так, как пишут роман в четыреста
 с лишним страниц,—

¹⁵ Неутомимая,
 Гордая,
 Ловкая,
 (Проза высокого стиля!)
 Хватает маленьких рыбок и в рот их кладет,
²⁰ Ныряет отважно,

Скользит под водой среди трав многоцветных
и пышных кораллов,

Потом,

Над поверхностью моря опять появившись,
Она улыбается,

²⁵ Держит в руке двух дорад с серебряным брюхом.

В синем шелковом платье, в туфлях, вышитых
золотом, с нитью кораллов на шее,

Она мне приносит корзину, полную крабов
колючих, полную жирных креветок длиною
в ладонь.

ДОРОЖНЫЕ ЛИСТКИ

«ФОРМОЗ»

В СКОРОМ ПОЕЗДЕ 19.40

Много лет не ездил я в поездах:
 Покрывал расстояния в автомобилях,
 Летал в самолетах,
 Путешествовал на пароходе и снова готовлюсь
 отправиться в плаванье,
⁵ Только маршрут будет более длинным.

Сегодня я вдруг опять погрузился в грохот
 железной дороги, который когда-то был так
 мне привычен.
 Но, кажется, я его лучше теперь понимаю.

Вагон-ресторан.
 Беспросветная темень.

¹⁰ За окном ничего разглядеть невозможно.
 Огрызок луны
 Висит неподвижно то слева, то справа.

Поезд мчится.
 110 он делает в час.
¹⁵ Ничего я не вижу.
 Пронзительный звук, от которого уши болят,
 означает траншею, чьи стены обложены
 камнем.
 Затем водопад: металлический мост пролетаем.

Стрелки — молот по струнам, вокзал
промелькнувший — пощечина, буйный
тоннель — как двойной удар в подбородок.
Ход замедлили — слышно как воду спускают —
среди звона посуды и скрипа осей и дыхания
поршней горячих стотонной машины.

²⁰ Гавр.

Автобус.

Отель.

Открываю в комнате ставни.

Порт внизу и холодный свет усыпанной звездами
ночи.

²⁵ Женский сдавленный смех у причала.

Без конца работает, охает, стонет железная
цепь.

Я засыпаю с открытым окном, через которое
в комнату шум долетает,
Напоминающий чем-то деревню.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Всегда я с открытыми окнами сплю.
Как только спят в одиночестве, спал я сегодня.
Мне даже гудки и сирены почти не мешали.

Утром,

⁵ К окну подойдя,
Вижу небо,
И море,
И зданье морского вокзала,
(Через который когда-то вернулся я из
Нью-Йорка),

¹⁰ Строения порта.
А слева
Подъемные краны, высокие трубы, дым,
яркие лампы.
Трясется в утреннем холоде первый трамвай,
А я от жары задыхаюсь.

¹⁵ До свиданья, Париж!
Солнце, здравствуй!

ТЫ КРАСИВА,
КРАСИВЕЕ НЕБА И СОЛНЦА

Когда ты любишь, надо уехать.
Покинь жену и ребенка покинь,
Друга покинь и подругу покинь,
И всех, кто дорог тебе, покинь.

⁵ Когда ты любишь, надо уехать.

Мир полон негров и негритянок,
Мужчин и женщин, женщин, мужчин.
Взгляни на яркие эти витрины,
На эти фиакры, людей и фиакры,
¹⁰ На все товары эти взгляни.

Есть в мире воздух, есть в мире ветер,
Есть горы, небо, земля и воды,
Дети, животные и растенья,
А также уголь в недрах земли.

¹⁵ Учись покупать, учись продавать,
Давать и брать, брать и давать.
Когда ты любишь, надо уметь
И петь, и бегать, и есть, и пить,
Свистеть,
²⁰ И работать надо уметь.

Когда ты любишь, надо уехать.
Не хнычь, улыбаясь при этом притворно,
Не прячь лицо свое в женскую грудь.
Шагай, дыши, уезжай, уходи.

²⁵ Я принимаю ванну и вижу,
Вижу рот, хорошо мне знакомый,
Вижу руку, бедро и глаза.
Я принимаю ванну и вижу.

Мир необъятный ждет, как всегда.
³⁰ Он удивительных полон явлений.
Я не спеша выхожу из аптеки.
Только что взвесился там на весах.
Все мои 80 килограммов на месте,
И в довершенье
³⁵ Тебя я люблю.

ПИСЬМО

Ты мне сказала: будешь писать,
 Не все письмо на машинке печатай.
 Прибавь хотя бы строку от руки,
 Два слова, какой-нибудь сущий пустяк,
⁵ Совсем немного... Да, да, да, да!

Однако мой ремингтон превосходен.
 Его я люблю и с работой справляюсь отлично,
 Мой авторский почерк ясен и точен,
 И сразу видно, кто на машинке печатал.

- ¹⁰ И есть пробелы, которые только один
 оставлять я умею.
 Белками глаз сверкнет на тебя белизна
 страницы.
 Но, чтобы тебе приятное сделать.
 Я два-три слова пером добавлю
 И тут же на них посажу чернильную кляксу,
¹⁵ Чтобы ты не смогла их прочесть.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Качает, качает на корабле.
Луна рисует круги на воде.
А мачта по небу рисует круги.
И упирается в звезды.

- ⁵ Юная аргентинка, облокотясь на перила,
Глядит на огни французского побережья,
Глядит на огни и о Париже мечтает,
О Париже, который она почти и не знает,
но о котором уже сожалеет.
И эти огни, — мигающие, врачающиеся,
неподвижные, исчезающие — напоминают ей то,
что видеть ей довелось из окна отеля,
¹⁰ Напоминают Большие Бульвары, сулят с ними
скорую встречу.
Она мечтает туда возвратиться и поселиться
в Париже,
Но стук моего ремингтона мешает дорисовать
ей мечту.
Прекрасный мой ремингтон звенит в конце
каждой строки и мчится в джазовом ритме.
Прекрасный мой ремингтон мне мешает мечтать
и на левом борту и на правом борту
¹⁵ И заставляет меня довести до конца
Мысль,
Принадлежащую мне одному.

БИЛЬБАО

Еще до рассвета мы приближаемся к рейду
Бильбао.

Бухта, холмы, невысокие горы на черном
фоне — бархат, усыпанный городскими огнями.
Эта простая, но хорошо нарисованная картина
напоминает (хотя я рискую прослыть идиотом,
потому что в Испании мы) напоминает картину
Пикассо.

Вот лодки, в которых сидят по два человека,
расправили маленький парус и в море
выходят.

- ⁵ Две морские свиньи кувыркаются в волнах.
Едва лишь солнце встает из-за гор,
Как на эту, такую простую картину
Изливаются краски потоком,
От индиго до пурпурा,
¹⁰ И вдруг превращают Пикассо
В немецкого экспрессиониста.
Крайности сходятся.

PORTO LEIXOES *

- Прибыли поздно, и воскресенье сегодня.
Порт — как река в наводненье.
Бедняки-эмигранты ожидают прихода
начальства,
И, поднявшись на борт, представители власти
толкают их грубо в жалкие лодки, которые
лезут одна на другую и все же не тонут.
У порта один глаз выбит, другой поражен
болезнью.
Подъемный кран наклонился, как дальнобойная
пушка.

* Порто Лейксонж (портг.).

НА ПУТИ В ДАКАР

Воздух — холодный.

Море — стальное.

Небо — холодное.

Тело — стальное.

⁵ Мое это тело!

Прощай, Европа, которую я покидаю впервые
после войны.

На борту твоем больше ничто меня не волнует,
не исключая твоих эмигрантов на палубе —
русских, евреев, басков, испанцев, бродячих
немецких актеров, вспоминающих с грустью
Париж.

Я все хочу позабыть, не говорить на твоих
языках и жить среди негров и негритянок,
среди индейцев и индианок, среди животных,
растений и птиц.

И купаться, и жить на воде,

¹⁰ Жить под солнцем пальящим, вблизи от деревьев
банановых,

И любоваться их созреванием,

И сам созревать

И, став твердым, как камень,

Срываюсь,

¹⁵ Падать,

Тонуть.

35°57' СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ,
15°16' ЗАПАДНОЙ ДОЛГОТЫ

Сегодня это случилось.

С начала пути ожидал я событие это.

Море было красивым, нас волны качали.

С утра было тучами небо покрыто.

⁵ В четыре часа пополудни

За домино я сидел.

Неожиданно вырвался крик у меня из груди,

Я на палубу бросился:

Вот оно! Вот оно!

¹⁰ Синева ультрамариновая.

Синева попугая небесного.

Жаркий воздух.

Как это случилось, понять невозможно и
невозможно название этому дать,

Но во всем изменилась тональность.

¹⁵ Вечером четырехкратное я получил тому
подтвержденье:

Небо стало прозрачным,

Заходящее солнце на колесо походило,

Луна казалась другим колесом,

А звезды стали значительно больше,
значительно больше.

²⁰ Эта точка находится между Мадерой по
правому борту и Касабланкой по левому
борту.

Началось!

ДАКАР

Наконец, приближаемся мы к Двум Грудям,
которые на горизонте с утра появились и с
каждым часом росли над поверхностью моря.
Мы их огибаем и входим в Дакар.
В порту, когда смотришь назад,
Видно синее небо, мол красного цвета и берег,
ослепительно белый.

ГОРЭ

На Атлантике — средиземноморская крепость.

А позади

Маленький остров, руины португальских
строений и бунгало желтого цвета модерн,
как в осеннем Салоне.

В этом старом логове негроторговли ныне
живут лишь чиновники колониальной
администрации, которым из-за жилищного
кризиса не удалось подыскать квартиру
в Дакаре.

⁵ Я хожу по старииной тюрьме, прорубленной
в красном базальте.

Здесь еще сохранились ошейники и сохранились
железные цепи черных рабов.

Звук граммофона сюда, в глубину проникает.

БИЖУ-ШАНТАН

Нет!

Никогда

Там ноги моей больше не будет:

Не по вкусу мне это мычащее колониальное
стойло.

⁵ Быть нищим негром хотел бы я, негром.
который остался стоять у дверей,

И тогда

Негритянки прекрасные стали бы сестрами мне,
А не эти,

Не эти коровы французские, сербские или
немецкие, что заполняют досуг чиновников
мрачных и вспоминающихечно Париж и не
знающих, как им убить свое время.

¹⁰ Нет! Лучше быть негром, который остался.
стоять у дверей,
И просто терять свое время.

СОЛНЕЧНЫЕ ЗАКАТЫ

Все говорят о солнечных закатах.

Все путешественники полностью согласны, что
здесь, под небесами этими, речь может об
одном идти — о солнечных закатах.

Есть много книг, в которых ничего другого нет,
как описанья солнечных закатов.

Они великолепны, в самом деле,

- ⁵ Закаты в тропиках,
Но я предпочитаю
Восходы солнечные и не пропустил
Еще ни одного.
На палубе я их всегда встречаю
¹⁰ И в одиночестве всегда любуюсь ими,
Но их описывать не собираюсь я:
Для одного себя хочу их сохранить.

ЗВЕЗДНЫЕ НОЧИ

Я провожу на палубе большую часть
тропической ночи.

Знакомые звезды наших широт свисают
с небесного свода.

От Полярной звезды до горизонта на севере
расстоянье все меньше и меньше.

Оказалось в зените созвездье мое — Орион.

⁵ Словно яркая щель, Млечный Путь с каждой
ночью становится шире.

Колесница едва заметной туманностью стала.
Юг пред нами все больше и больше чернеет,
И я с нетерпением жду, когда на востоке
появится Южный Крест.

Чтобы я набрался терпенья, Венера размер
свой удвоила и увеличила впятеро блеск.

¹⁰ Словно луна, проложила по морю она световую
дорожку.

Этой ночью я видел, как с неба упал метеор.

КАЮТА № 6

Я занял эту каюту.
Жить бы мне здесь постоянно.
Нет никакой тут заслуги — сидеть взаперти
и работать.
Впрочем,
⁵ Я не работаю:
Просто пишу — все что приходит на ум.
Вернее, не все.
Потому что масса вещей мне приходит на ум, но
не входит в эту каюту.
Я живу на ветру, — иллюминатор настежь
открыт и урчит вентилятор.—
¹⁰ И ничего не читаю.

ОРИОН

Это моя звезда.

Она имеет форму руки.

Это моя рука,

Поднявшаяся на небо.

⁵ В течение всей войны

Орион из амбразуры я видел.

Когда цеппелины бомбили Париж,

Со стороны Ориона они к нему подлетали.

Сегодня

¹⁰ Снова над головою моей Орион.

Высокая мачта пронзает ладонь этой
звездной руки,

Заставляя страдать ее,

Как и меня страдать заставляет пронзенная
вечным копьем

Моя отрезанная рука.

РИО ДЕ ЖАНЕИРО

Все вышли на палубу.

Мы — в окружении гор.

Маяк свой свет выключает.

Все заняты Сахарной Головою, все ищут ее

и находят в различных местах: настолько
здесь горы по очертанью похожи одна на
другую.

5 Месье Лопар указал мне на гору, которая очень
напоминает Наполеона на смертном одре.

Я нахожу, что это скорее похоже на Вагнера,
но только надутого спесью или
заплывшего жиром.

Рио теперь совсем уже близко, и можно домá
разглядеть у берега моря.

Открывшуюся панораму офицеры сравнивают
с панорамою Золотого Рога.

Другие рассказывают о восстании фортов.

10 Третья единодушно выражают свое сожаленье,
что выстроен новый, современный отель,
обезобразивший бухту (он, кстати, очень
красив).

Четвертые громко ворчат, увидев, что срезали
склон у какой-то горы.

Перегнувшись через перила правого борта,

Я вижу покинутый маленький остров,

Тропические растенья, которые его покрывают,

15 Яркое солнце, что впилось в эти растенья,

И утлую лодку с тремя рыбаками,
Чьи движения медлительны и методичны.
Они все трое поглощены работой,
Они занимаются ловлей рыбы,
20 Они вытаскивают ее из моря,
Они на нас и не смотрят даже,
Потому что все трое заняты делом.

НОЧЬ НА МОРЕ

Гористый берег весь залит светом луны, которая странствует с нами.

Южный Крест на востоке сверкает, а юг по-прежнему черный.

От жары стало трудно дышать.

Большие коряги плавают в темной воде.

5 Полураздетые, две акробатки гуляют по палубе:
Эти две немки на палубе ищут прохлады.

Маленький врач-португалец, сопровождающий
до Аргентины своих земляков-эмигрантов,
мимо меня прошмыгнулся, подмигнув мне.

Я вижу, как он и две немки нырнули в пустую
каюту.

Справа от нас проплывают два парохода, потом
еще слева три парохода проплыли.

6 Все пять разукрашены ярко огнями, словно на
праздник собрались.

Можно подумать, что мы в порту Монте-Карло.
Девственный лес растет у самого моря.

Слух напрягая, весь превратясь во внимание, я,
кажется, слышу шелест листвы.

Или, может быть, грусть мою слышу, грусть
от того, что я завтра сойду с корабля.

13 Через четверть часа до меня доносится тихая
песня,

Ее эмигрант напевает
На полубаке, где под луною белье
Сохнет и подает мне знаки.

РАССВЕТ

На рассвете спустился я в глубь корабля —
к машинам.

В последний раз мне хотелось услышать дыханье
глубокое поршней.

Облокотившись на поручни, снова почувствовал
я, как в меня проникает глухая вибрация
дерева, запахи перегретого масла и клубы
теплого пара.

Потом мы распили бутылку — я и старший
механик, спокойный, всегда молчаливый,
с хорошею детской улыбкой.

5 Когда я поднялся наверх, солнце вышло из моря
и нещадно палило.

В ярко-синем небе ни облачка не было.
Мы повернули на Сантос, и след за кормой
корабля образовал полукруг,
Сверкающий на неподвижной поверхности моря.

ОСТРОВА

Острова,
Острова,
Острова, к которым никогда не прикалят
Острова, по которым бродить не будут,
Острова, покрытые буйным цветеньем,
Острова, притаившиеся, как ягуары,
Острова молчаливые,
Острова неподвижные,
Незабываемые
¹⁰ И безымянные...
Вышвырнул за борт я туфли свои,
Потому что мне хочется к вам, острова.

ВИД С ЛЕВОГО БОРТА

Порт.

Ни шума машин, ни свистков, ни сирен.

Никакого движенья.

Не видно людей у причалов.

⁵ Ни дыма из труб, ни единого облака пара.

Солнцем залит весь порт:

Только солнце свирепое,

Только жара — она падает с неба, она от воды

поднимается и ослепительным блеском
сверкает.

Никакого движенья.

¹⁰ Однако здесь город промышленный, полон он
жизни.

У пристани двадцать торговых судов из десяти
государств загружаются кофе.

Двести кранов подъемных работают в полном
молчанье.

(В бинокль можно увидеть тугие мешки на
платформах, взмывающих в воздух.

Город прячется за прямоугольными складами,
крытыми жестью рифленой).

¹⁵ Никакого движенья.

Проходят часы в ожиданье.

Никто не является к нам.

Ни одна из лодок от берега не отплывает.

Наш пароход словно тает с каждой минутой,
вливается в эту жару, погружается в бездну.

ПЕЙЗАЖ

Земля здесь — красная.
Небо — синее.
Зелень — темно-зеленого цвета.
Суров и печален этот пейзаж,
Хотя бесконечное множество форм
Растительный мир здесь имеет,
И грациозно склоняются пальмы,
И ярки букеты цветов на высоких
деревьях,
На весенних деревьях в цвету.

ТЕЛЕГРАФНАЯ ЛИНИЯ

Телеграфная линия пересекает долину, лес
на горе разрезает прямую чертой.
Все столбы у нее из железа,
Когда проложили ее, то столбы деревянные были.
Через несколько месяцев зазеленели, покрылись
ветвями они.

⁶ И тогда их вырыли, перевернули и вновь
посадили — вверх корнями, вершиною в землю.
Через несколько месяцев снова покрылись
ветвями они, снова корни пустили, опять стали
жить.

Все пришлось их срубить,
И чтобы линия существовала,
Надо было из Питсбурга выписать много
железных столбов,
¹⁰ Надо было пойти на большие расходы.

ПРОСЕКИ

В просветах — море.
Потом промелькнул водопад.
Косматые кроны деревьев.
Тяжелые листья словно резиной пропитаны.
5 Солнечный лак.
Жар лоснящийся.
Блеск и сверканье...
Я больше не вслушиваюсь в разговор
оживленный, который друзья мои между собою
ведут, обсуждая новости, привезенные мной
из Парижа.
Рядом с поездом, по обеим его сторонам,
10 Или вдали, обрамляя долину,
Лес глядит на меня, он тревожит меня и влечет,
словно маска неведомой мумии.
Я неотрывно смотрю.
И в ответ мне — ни тени взгляда.

НЕВЕДЕНИЕ

Я не слушаю больше прекрасные эти рассказы
о прошлом Бразилии, о ее настоящем и
будущем,

Просто смотрю на нее из вагона, колеса
которого стали крутиться быстрее.

Огромный папоротник птерис каудата,
И ни одной здесь птицы не видно,

⁵ Вот муравейник огромный,
Непроходимые заросли,
Дальше — саваны: засохшие травы, кустарники
и среди трав одиноко деревья стоят с кривыми
стволами.

А вот клещевина высотою в несколько метров.
Иногда на равнине можно животных увидеть —
быков длиннорогих, зебу и тощих коней с
аллюром мустангов.

¹⁰ Цивилизацией здесь и не пахнет.
Затем, ничего уже мне не известно о том, что
я вижу.

Растенья.
Разнообразные формы растений.

¹⁵ Пальмы,
Кактусы.
Даже не знаешь, как и назвать эту палку от
швабры, увенчанную голубоватым султаном.
Эти плоды, в которых как будто таится
любовный дурман.

САН-ПАУЛО

Вот наконец и заводы, предместье,
маленький и симпатичный трамвай.
Электролинии.
Улица шумная.
Люди, идущие делать покупки после работы.
⁵ Газгольдер.
Вокзал, наконец.
Сан-Пауло.
Мне кажется, что на вокзале я в Ницце
Или что это Чэлинг-Кросс в Лондоне.
¹⁰ Всех моих вижу друзей.
Добрый день.
Вот и я.

Газр — Сан-Пауло, февраль 1924 г.

II. САН-ПАУЛО

ГОРОД СВЯТОГО ПАВЛА

Этот город мне нравится.

Он по душе мне.

Традиций здесь нет.

Никаких предрассудков.

⁵ Ни старых, ни новых.

Одна только жажда свирепая и аппетит неуемный.

Уверенность и оптимизм,

Дерзость, смелость, работа,

И дух спекуляции, в час воздвигающий добрый
десяток домов,

¹⁰ Разношарниых, гротескных, смешных,

бездобразных, красивых, огромных и маленьких,

Север и Юг, стиль египетский, янки, кубизм —

Нет заботы другой, как идти за статистикой

следом, предвидеть день завтрашний, выгоду,
пользу, комфорт.

Привлечь иммигрантов,

Все страны,

Все расы,

¹⁵ Мне нравится это...

А несколько старых, португальских домов

Напоминают фаянс голубой.

III.

НА ПРИСТАНИ

До свиданья, друзья, до свиданья.
Возвращайтесь скорее в Сан-Пауло до
наступления ночи.

В последний раз идет разговор о революции
и пулеметах.

Я остался один на борту парохода голландского,
полон он немцами, полон голландцами
и аргентинцами, напомаженными и
простодушными, есть тут два-три англичанина
(ненастоящих).

⁵ Эмигранты-испанцы на родину едут,
Они подработали денег немного, поскольку
смогли заплатить за билет, и вид у них очень
довольный...

Какая-то пара танцует под аккордеон.
Играющий хоту

КАЮТА № 2

Это — моя каюта.
Она — вся белого цвета.
Я хорошо себя чувствовать буду
В одиночестве,
5 Ибо мне надо работать,
Много работать, чтоб наверстать
Эти девять солнечных месяцев,
Проведенных в Бразилии,
Проведенных с друзьями,
10 Проведенных вдали от Парижа, на
который работать мне надо.
Вот почему я уже полюбил
переполненный этот корабль,
Где не с кем перекинуться словом.

ПУТЕШЕСТВИЕ БЕЗ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Голландский корабль, голландский...

Дымом полна курилка,

Цыганами полон оркестр,

Креслами полон салон...

⁵ Семейства, семейства, семейства,

И дырами полны чулки,

И штопают, штопают женщины.

БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Сегодня я, может быть, самый счастливый из
смертных:
Есть все у меня, чем я обладать не стремился,
И с каждым ударом винта я приближаюсь
к тому, что единственно дорого мне
И что, может быть, я потерял.

АДРИЕННА ЛЕКУВРЕР
И ЖАН КОКТО

Двух крохотных обезьян я купил,
А также двух птиц, чьи перья подобны волнистой
бумаге.

У моих обезьянок сережки в ушах,
А у птиц на когтях позолота.

⁵ Я одну обезьянку назвал Адриенной,
Вторую, которая больше, Жаном назвал,
Я одну из двух птиц подарил молодой аргентинке.
Она дочь адмирала (сейчас он такой же, как все,
пассажир).

Косоглаза она и глупа

¹⁰ И пытается смыть позолоту
С лапок птицы, которую я подарил ей.
Другая же птица в каюте моей распевает.
Через несколько дней подражать она будет всем
звукам привычным и будет звенеть, как мой
ремингтон.

Когда я пишу, обезьянки глядят на меня
с любопытством.

¹⁵ Я их забавляю, и кажется им,
Что в клетке они меня держат.

ХРИСТОФОР КОЛУМБ

Путь держа на Восток, я сегодня теряю из виду
То, что когда-то открылось глазам Христофора

Колумба, который взял направленье на Запад.

Именно здесь увидел он первую птицу

с оперением белым и черным,

И это заставило пасть его на колени в великом
волненье

⁵ И богу хвалу вознести,

И сочинить молитву в духе Бодлера,

И записать в бортовом журнале эту молитву,

В которой он просит прощенья за то, что лгал
своим спутникам и ежедневно указывал им не то
направленье,

Чтобы они не смогли найти дорогу назад.

ПАССАЖИРЫ

Они здесь для того, чтоб валяться в шезлонгах
Или пить чай,
Или в карты играть,
Или просто скучать.

⁵ Среди них есть любители спорта, хотя их
немного:

Одни развлекаются теннисом,
Предпочитают плавать в бассейне другие...

А ночью,
Когда засыпают все пассажиры,
Пустые кресла на палубе напоминают скелеты
в музее.

¹⁰ Старухи высохшие...
Хамелеоны, перхоть и когти.

БАЛ

Американская пара танцует танец апашей.
Девицы из Аргентины недовольны оркестром
и от души презирают всех кавалеров.
Португальцы аплодируют бурно при первых же
звуках португальских мелодий.
Французы образовали отдельную группу и громко
смеются, насмехаясь над всеми.
5 Одни только юные бонны хотят танцевать
и одели нарядные платья.
Я приглашаю на танец (к великому негодованью
одних и на потеху другим)
кормилицу-негритянку.
Американская пара снова танцует танец апашей.

ПОЧЕМУ Я ПИШУ?

Потому...

1924 г.

ЛАТИНОАМЕРИКАНКИ

VII

Не хотим мы печальными быть.
Это слишком легко.
Это слишком удобно.
И глупо.

⁵ Для этого часто есть повод.
Тут хитрости нет никакой.
Все печальны вокруг.
Не хотим мы печальными быть.

1924 г.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ВО СЛАВУ ГИЙОМА АПОЛЛИНЕРА

- Всходят посевы...
 Франция.
 Город Париж.
 Представители всех поколений.
⁵ Я обращаюсь к поэтам.
 Друзья!
 Не умер Аполлинер.
 Вы шли за пустым катафалком.
 Аполлинер — чародей.
¹⁰ Это он улыбался из шелка знамен,
 свисающих с окон.
 Это он, забавляясь, бросал вам венки
 и букеты,
 Когда вы шли за его катафалком.
 А после купил он кокарду трехцветную,
 И в тот же вечер я видел его
 на Бульварах:
¹⁵ Сидел он на радиаторе американского
 грузовика, развернув, как крылья аэроплана,
 полотнище интернационального флага.
 ДА ЗДРАВСТВУЕТ ФРАНЦИЯ!
- Время идет.
 Годы, как облака, проплывают.
 На родину,
²⁰ В дом свой,
 Солдаты вернулись.

И вот поколение новое всходит.
 Мечта Тиресия перестает быть мечтою.
 Французские дети — наполовину с
 английскою кровью, и с негритянской,
 и русской, немногого бельгийцы они,
 аннамиты и чехи.

- ²⁵ У одного — канадский акцент, у другого —
 глаза обитателя Индии.
 Зубы, лицо, телосложение, походка,
 улыбка!
 Чужеземное что-то есть в каждом, но все
 они подлинно наши.
 Аполлинер среди них — словно статуя
 Нила, отца водяного, чьи дети стекают
 с него —
 С бороды его, с бедер, и рук,
³⁰ И походят все на отца своего и начало
 берут от него,
 И все говорят они на языке
 Гийома Аполлиnera.

Париж, ноябрь, 1918 г.

ВГЛУБЬ МИРА
(НАЙДЕННЫЕ ФРАГМЕНТЫ)

В этом небе Парижа прозрачности больше,
чем в зимнем, светлом от холода небе.
Никогда я не видел более звездных ночей,
как этой весною.

Деревья Бульваров напоминают небесные
тени.

Цветенье на реках смешалось с ушами
слонов.

5 Каштаны тяжелые, листья платанов.

Кувшинка на Сене — луна, что плывет
по теченью.

Млечный Путь над Парижем разнежился,
душит в объятьях предместья.

Опрокинувшись и ошалев, Млечный Путь
к Нотр-Дам присосался.

Большая Медведица с Малой Медведицей
кружит, ворча, вокруг Сен-Мерри.

10 Моя отрезанная рука сияет в созвездии
Ориона.

В освещении этом, холодном и резком,
мерцающем и нереальном,
Париж — словно образ застывший
растенья,

Которое вновь возникает из пепла.
Печальное сходство.

Прямые, лишенные возраста зданья и
улицы —

¹⁵ Ныне лишь груда камней и железа
в невообразимой пустыне.

Фивы и Вавилон этой ночью не более
мертвы, чем вымерший город Париж,
Город синий, зеленый, смола и чернила,
и среди звезд его шпили белеют.

Бездюдье. Не слышно ни звука. Молчанье
войны своей тяжестью давит на город.

Мой взгляд блуждает в пространстве от
фиолетовых глаз фонарей к писсуарам,

²⁰ В пространстве, где только и есть освещенье
и где я влачу беспокойство мое.

Так, каждый вечер, пересекая пешком весь
Париж,

От Батиньоля в Латинский квартал я иду,
словно Анды пересекаю

Под лучами новых светил, огромных и
страшных,

Когда Южный Крест с каждым шагом
становится более странным

²⁵ И над новым встает континентом.

Я человек, у которого больше нет прошлого. —

Только обрубок руки мне боль причиняет.

Я комнату снял в отеле, чтобы с самим собой
наедине оставаться.

У меня есть корзина плетеная, и наполняют ее
мои манускрипты.

У меня нет ни книг, ни картин, ни безделушек
изящных.

³⁰ На моем столе завалялась газета.
Среди голых стен, перед тусклым окном
я работаю...
В плиточный пол упираясь босыми ногами,
Играя с шарами и детской трубой.
Я работаю над КОНЦОМ МИРА.

ОТЕЛЬ НОТР-ДАМ

Словно в юности, в этот квартал
 Я возвратился опять.
 Но мне кажется, зря я пришел,
 Потому что ожить не смогли
 5 Во мне ни мечты, ни печаль
 Моих восемнадцати лет.

Много старых домов снесено,
 И названия улиц не те,
 Весь открылся Сен-Северен,
 10 Стала больше площадь Мобер,
 Рю Сен-Жак стала шире, и я
 Нахожу, что красивее так:
 Больше древности и новизны.

Точно так же как, бороду сбив
 15 И подстригвшись, стал я другим:
 У меня современно лицо,
 А мой череп с дедовским схож.

Потому ничего мне не жаль.
 Пусть придет сносящий дома,
 20 Пусть разрушит он детство мое
 И привычки мои, и семью;
 Пусть на площади строят вокзал
 Или пусть там оставят пустырь,
 Обнажая корни мои.

- ²⁵ Я не сын своего отца,
Только прадеда я люблю,
Имя новое взял я себе,
Как афиша, броско оно;
Ярки буквы афиши, к щиту
³⁰ Приколоченной, а позади
Воздвигают грядущую новь.

Вдруг сирены реветь начинают, и я подбегаю
к окну.

В Обервийе уже пушка грохочет, а в небе
Загораются звезды снарядов, ракет, самолетов
немецких.

Свист, и крики, и скрежет взлетают и слышен
их стон под мостами.

5 Сена стала пучины черней и тяжелые длинные
баржи на ней,
Как гробы королей меровингских,
Разукрашены звездами, что погружаются в воду,
погружаются в воду.
Я лампу задул и сигару свою закурил.

На грохочущих улицах ищут спасения люди,
10 Укрытия ищут в подвалах, где порохом пахнет
и серой.

Фиолетовый автомобиль префектуры пересекает
дорогу красному автомобилю пожарных,
И оба они фееричны и гибки, с тигриной
повадкой.

Сирены мяукают и замолкают. Разгар суматохи.
Сплошное безумье.

Лай. Грохот. И вдруг тишина. А затем

15 Пронзительное паденье и сила слепал торпед.

Обрушились тысячи тонн. Вспышки молний.
 Огонь. Дым и пламя.
 Аккордеон канонады. Крик. Скрежет. Падение.
 Приступы кашля. Обвалы. Нагроможденье
 обломков.

Все небо в движенье: морганье невидимых глаз.
 Зрачки. Огонь многоцветный, который
 пересекают, режут и оживляют пропеллеры
 с их мелодичным напевом.

- ²⁰ Прожектор вдруг озаряет лицо на рекламной
 афише,
 Затем поднимается в небо и в нем образует
 дыру молочного цвета.
 Я шляпу беру и шагаю по улицам черным.
 Ряды обветшалых пузатых домов, что прижались
 друг к другу, как старцы.
 Их трубы и флюгера тычут пальцем в небесную
 высь.
²⁵ Я иду по Сен-Жак, свои плечи засунув в
 карманы.

Вот Сорbonна и башня ее, рядом церковь,
 лицей,
 Чуть поодаль — пекарня, работает пекарь
 внизу, я прошу у него прикурить,
 Сн дает мне огня, и, вторую сигару мою
 раскурив, я гляжу на него, улыбаясь, и он
 улыбается мне.
 Красивая татуировка у пекаря: имя, цветок и
 стрелою пронзенное сердце.

- ³⁰ Хорошо это имя я знаю: носила его моя мать.
 Выбегаю на улицу. Вот я стою перед домом.

Стрелою пронзенное сердце (наметилась первая
точка паденья).

И пекаря торс обнаженный. Не так вы красивы,
как дом,
В котором был я рожден.

Париж, 1917 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПО ВСЕМУ МИРУ

Пасха в Нью-Йорке	7
Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской	17
Панама, или Приключения семи моих дядей	38

Из 19 эластических стихотворений

1. Газета-дневник	59
2. Башня	61
3. Контрасты	64
4. I. Портрет	66
II. Мастерская	68
5. Мой танец	70
7. Подвесная койка	71
9. Искровой телеграф	73
10. В последний час	75
11. Бомбей-экспресс	76
12. Ф.И.А.Т.	78
13. В пяти углах	80
18. Голова	81
19. Конструкция	82
Война в Люксембургском саду	83

Документарии

Запад	88
III. Амфитрион	88
Дальний Запад	89
II. Дорифа	89
V. Клуб	90
VII. «Город Фриско»	91
Река	92
Миссисипи	92
Юг	94
V. Golden-Gate	94
Острова	95
X. Атуара	95

Дорожные листки

«Формоз»	97
В скором поезде 19.40	97
Пробуждение	99
Ты красива, красивее неба и солнца	100
Письмо	102
Лунный свет	103
Бильбао	104
Porto Leixoes	105
На пути в Дакар	106
35°57' северной широты, 15°16' западной долготы	107
Дакар	108
Горэ	109
Бижу-Шантан	110
Солнечные закаты	111
Звездные ночи	112
Каюты № 6	113
Орион	114
Рио де Жанейро	115
Ночь на море	116
Рассвет	117

Острова	119
Вид с левого борта	120
Пейзаж	121
Телеграфная линия	122
Просеки	123
Неведенье	124
Сан-Пауло	125
II. Сан-Пауло	126
Город святого Павла	126
III. На пристани	127
Каюта № 2	128
Путешествие без приключений	129
Беспокойная жизнь	130
Адриенна Лекуврер и Жан Кокто	131
Христофор Колумб	132
Пассажиры	133
Бал	134
Почему я пишу?	135
Латиноамериканки	136
«Не хотим мы печальными быть...»	136
Разные стихотворения	137
В славу Гийома Аполлинера	137
В ГЛУБЬ МИРА	
«В этом небе Парижа прозрачности больше, чем в зимнем, светлом от холода небе...»	141
Отель Нотр-Дам	144
«Вдруг сирены реветь начинают, и я подбегаю к окну»	146

БЛЭЗ САНДРАР

Подписано в печать 30.05.95. ЛР № 062330 от 2.03.93 г.
Формат 60×90¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,75. Тираж 10 000. Зак. 2115. АОЗТ
«Орбита». 394000, Воронеж, пр. Революции, 15.
АООТ «Иван Федоров». 191126, С.-Петербург,
ул. Звенигородская, 11.

ISBN 5-86617-013-2

14

14²

